

Ф. И. Гиренок

Клиповое сознание

Клипы
в науке

Клипы
в философии

Клипы
в искусстве

Неклиповое

Клипы
в образовании

Клипы
в политике

«ПРОСПЕКТ»

Федор Гиренок
Клиповое сознание

«Проспект»

Гиренок Ф. И.

Клиповое сознание / Ф. И. Гиренок — «Проспект»,

ISBN 978-5-39-217954-1

В книге впервые в научной и философской литературе разрабатывается концепт клипового сознания и показывается его связь с виртуальной реальностью. Клиповое сознание рассматривается автором не как знание, а как аффективное действие. Для него существует не мир, а образ мира, для него мыслить – это значит быстро мыслить. Здесь важна не логика, а реальность. В книге показано, как работает клиповое сознание в философии, в науке, в искусстве, в образовании и политике. Книга предназначена для тех, кто интересуется новейшими тенденциями в развитии современной философии.

ISBN 978-5-39-217954-1

© Гиренок Ф. И.

© Проспект

Содержание

Предисловие	6
Часть 1	7
1.1. Игра с сознанием	8
1.2. От понятия к клипу	11
Часть 2	16
2.1. Что такое философия?	17
2.2. Почему интеллектуалом быть неприлично	23
2.3. О прогрессе в философии за последние 50 лет	25
2.4. О современном состоянии философии в России	27
2.5. Человек между бредом и галлюцинациями	28
2.6. Критика теории перманентного Ренессанса	31
2.7. Умострой сказки	35
2.8. Человек и кукла	39
2.9. О романтизме в XXI веке	41
2.10. Отцы и дети	44
2.11. Почему я не с Кантом?	45
2.12. О Марксе	48
2.13. С.Н. Булгаков: между христианством и социализмом	49
2.14. Метафизика смысла: дороги и бездорожья	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Ф. И. Гиренок

Клиповое сознание

[битая ссылка] ebooks@prospekt.org

Предисловие

Современная философия все менее склонна к академизму в своих рассуждениях. И не потому, что ее потеснили писатели-интеллектуалы, а потому, что она, спасаясь от схоластических проблем познания, обживает поэзию и искусство, которые говорят человеку больше, чем может сказать ему наука. Сегодня нейронауки, ставшие модными, пытаются научиться говорить не только о мозге, но и о сознании. Они хотят вернуться к Аристотелю, полагая, что картезианство, трансцендентализм и феноменология слишком сложны, болтливы и пустопорожни.

Научному миру известны две большие стратегии в попытке окончательно разъяснить публике вопрос о том, что такое сознание. Это американский проект и европейский. Американский проект готов на каждый нейрон посадить наномашину для регистрации импульсов, европейский – желает создать действующую компьютерную модель сознания, замещая нейроны микропроцессорами.

Философия идет другим путем. Она полагает, что человек вообще рождается как художник. И это дает о себе знать в наборе практик, используемых человеком. Есть практики, в которых сознание не нужно. Например, сознание не нужно для игры в шахматы, для того чтобы сделать рубило, для обучения компетенциям в школах и университете. Оно не нужно для того, чтобы получить нобелевскую премию.

Сознание нужно для того, чтобы краснеть от стыда, а также для того, чтобы взрывались галлюцинации. Сознание и есть не что иное, как взорвавшаяся галлюцинация, синтез реального и воображаемого. Сознание нужно затем, чтобы форма, линия, цвет или слово могли причинить человеку страдание, чтобы они могли перевести его в экстатическое состояние. Эту же мысль Ницше формулировал иначе. Он говорил, что природа, которая не делает скачков, все-таки один раз его совершает. Результатом этого скачка является появление художника, философа и святого. С них начинается человек вообще. Все остальные люди являются лишь подготовкой к человеку.

Сознание художника имеет два свойства: изображение и воображение. На эти свойства указывает наскальная живопись. Сознание дает о себе знать в жесте, в смущении, в аффекте самовоздействия. Сознание не нужно для вычислений, для языковых практик и практик знания. Сознание требуется не для познания, а для практик самоограничения. Для того чтобы что-то знать, мы должны *уже* знать.

Но что происходит тогда, когда наше уже-понимание замещается интернетом и мы не доверяем своим ощущениям, если они не выражены в слове? Что происходит с сознанием, если оно как зеркало разбивается на осколки и теряет связь с символом? Сможет ли оно передать нам свойство целостности? Или оно не нужно нам, и мы как звери привязаны к жизни и для нас невыносима тишина одиночества?

Когда утрачивается связь с уже-пониманием, тогда возникает клиповое сознание. Слово «clipping» обозначает всего лишь подборку газетных вырезок на определенную тему. Клип прост, как натюрморт. Это лоскут, часть, не отсылающая к целому. И одновременно клип требует грез, фантазий, которыми заполняется место отсутствующего целого.

Понятие «клиповое сознание» я ввел в книге 1994 года «Метафизика пата». Там я хотел найти вербальные картины, заменяющие понятия. На этот раз я попытался посмотреть на клиповое сознание при помощи тысячи глаз. И вот что из этого получилось.

Часть 1

Клиповое сознание

Паровая машина, если верить Карлу Марксу, изменила общество, в котором появились новые классы. Но она не изменила сознание, которое осталось по-прежнему понятийным.

Что такое понятие? Это объяснил М. Шелер. У человека есть понятия, а у обезьяны нет понятий. Как это узнать? Если обезьяне, говорит он, дать полуошкуранный банан, то она в нем не узнает банан. Банан для нее должен быть либо с кожурой, либо без нее. А это значит, говорит феноменолог Шелер, что у обезьяны нет понятия субстанции. А у человека есть понятие субстанции, и он легко справляется с бананом.

Символом понятийного развертывания текстовой последовательности стала книга, порядки слов в которой могли быть линейными, а также могли закручиваться в спираль, сворачиваться в круг, ветвиться как дерево. Эта линия, несмотря ни на что, не должна была прерываться. Прервавшись, она создала бы опасный разрыв в порядке мысли и, следовательно, бытия, в котором мог бы обосноваться хаос. А хаос – это как броуновское движение атомов. О нем ничего нельзя сказать, в нем ничего нельзя сделать. Клиповое сознание – это разрыв линии и хаос в сознании, допустимый обществом. Зачем нам этот хаос? Затем, чтобы поймать смысл, а не информацию. Сообщают обычно информацию, а она равна тому, что сказано. Но что делать, когда мы встречаемся с недосказанным или со сверхсказанным? В коммуникации достаточно ссылок на информацию, но в общении приходится иметь дело со смыслами, которые отсылают к недосказанному или сверхсказанному. И в силу неразвитости символического сознания и доминирования в культуре знаковых структур эти структуры и это сознание дополняются клиповым сознанием.

Компьютер изменил сознание, хотя не изменил общество. Началось время игры с сознанием. Что это за игра? Если нет символического сознания, то его отсутствие отчасти компенсируется клиповым сознанием. Это одна игра. Другая состоит в расширении возможностей знака при помощи клипа. Эти игры заметны даже в манере письма.

1.1. Игра с сознанием

Человек вступил в опасную игру со своим сознанием. Мы играем с ним, приходя в музей современного искусства, беря кредиты, мысленно экспериментируя, общаясь в фейсбуке, покупая модные товары, коммуницируя. Эта игра порождает воображаемый мир, объекты которого существуют в той мере, в которой мы относимся к ним как к чему-то действительно существующему. Воображаемый мир нашего сознания не совпадает с миром возможного, ибо в нем есть и невозможное. Самость заставляет человека существовать сразу в нескольких мирах. При этом то, что для человека возможно в одном мире, существует как наличное в другом и невозможное в третьем. А это, например, значит, что пространство и время есть только в одном из них. Во втором может отсутствовать время. В третьем – протяженность. Сознание – это не время и не протяженность. Так что же такое сознание и зачем оно человеку?

Декарт

Современное понимание сознания восходит к Декарту, который полагал, что существуют две субстанции – протяженная и мысленная. Одна наблюдается, другая осознается. В человеке они встречаются. При этом ментальное каким-то образом воздействует на материальное. И хотя тело само по себе ничего не может сказать об уме, ум, как заметил Гуссерль, всегда приурочен к телу.

Одно дело – тело для сознания. Другое дело – тело для инстинкта. В первом случае мы имеем дело с телом для неразумия, в котором галлюцинация может занимать место ближайшей причины поведения. Во втором – с телом для разума, в котором галлюцинация заблокирована и для которого нужно всегда искать какую-то внешнюю причину действия. Неразумие всегда воображает, интеллект, как правило, вычисляет. Но наука никак не может научиться различать, с одной стороны, сознание и интеллект, а с другой – тело для воображения и тело для вычисления.

Распря

Между наукой и философией сегодня сложились странные отношения. Философия говорит, что причина сознания находится в самом сознании и путь к нему лежит через самопознание человека. Наука уверяет, что причина сознания лежит вне сознания и путь к нему лежит через познание мозговых структур. Философы говорят, что человек – это художник, история которого началась со времен наскальной живописи. Ученые доказывают, что человек – это обезьяна, которая побрилась, надела костюм и стала читать газеты, что его истории более миллионы лет. Философия указывает науке на дверь и просит ее не путать сознание с мозгом. Наука помещает человека в ряд живых существ и заявляет, что сознание это не привилегия человека и она сама без всякой философии справится с проблемой сознания, полагая, что оно может функционировать в режиме компьютера.

Два проекта

И действительно, ученые всерьез взялись за изучение сознания. В 2013 году в США решили создать картографию мозга или, как говорят американцы, «карту активности мозга», выделив на это 5 млрд долл. на 10 лет. Европа, конечно, от американцев не отстает и выделяет 1 млрд евро на создание своей модели человеческого мозга. Американцы хотят научиться регистрировать импульсы всех нейронов мозга человека. Для этого на каждый нейрон они намерены посадить наномашину, превратив мозг в подобие локальной ноосферы. Ученые и сочувствующие им философы думают, что все это должно им помочь понять, что такое сознание. В работе принимает участие профессор Гарвардского университета Дж. Черч, бывший руководитель программы «Геном человека». Но, как замечают скептики, для составления генома можно было использовать в качестве материала слюну и кровь. А для изучения мозга нужен

живой мозг. И исследователям, видимо, придется, как когда-то Богданову, ставить эксперименты на самих себе.

Первый успех американцев, если верить сообщениям прессы, связан с тем, что им удалось создать полную карту нейронных соединений червячка, у которого оказалось примерно 300 нейронов. Правда, сделанный ими виртуальный червяк почему-то пока еще не ползает, ему нужно создать еще и виртуальную среду. Но важно не это. Надо иметь в виду, что у мозга человека 100 млрд нейронов, и на Земле живут 10 млрд человек. И неизвестно, понадобится ли американским ученым для понимания биологических основ сознания на все эти нейроны прикрепить наномашинки, создавая одновременно мир полностью контролируемой ноосферы.

В Европе проектом «Человеческий мозг» руководит профессор из Лозанны Генри Маркрам. В рамках этого проекта хотят создать действующую модель мозга на компьютере. Для этого используют самые быстродействующие компьютеры, некоторые предки которых были чемпионами мира по шахматам. Правда, замечу, что для игры в шахматы сознание не нужно. В европейском проекте одному нейрону должен соответствовать, условно говоря, один процессор. Чтобы смоделировать мозг человека, нужно будет 100 млрд процессоров упаковать в колонки по 1000 процессоров и связать их между собой.

Самое интересное состоит в том, что никто из ученых не обсуждает проблему идеального. Видимо никому не интересно узнать, что же будет находиться в идеальном содержании действующей модели мозга, каков будет мир ее фантазий, окажется ли, например, воображаемый мир заполнен тем, что Юнг называл архетипами, а Кант – синтетическим априори. Иными словами, опровергнут ли или все же эти два проекта оправдают убеждения Хайдеггера в том, что наука не мыслит. Подтвердится ли ими прогноз Гуссерля, поддержанный Э. Шредингером, что наука, основанная на принципе объективности, ничего не может сказать о субъективности, которая сделала сам этот принцип возможным.

Оба эти проекта исходят из предположения, что мозг и сознание, по крайней мере, как-то связаны между собой. Но так ли это?

Сознание и мозг

18 сентября 2014 года центральное телевидение России сообщило о том, что нейрохирурги страны провели успешную операцию и извлекли из головы мужчины ножку стула, которая пробилась череп и проникла до его основания. К сожалению, больше пока никакой информации об этом случае мне не удалось узнать. В научной же литературе иногда приводятся рассказы об аналогичных случаях. Например, в интернете я нашел материалы, которые приводят следующие данные.

1866 год, несчастный случай – балка срезает у человека $\frac{1}{4}$ часть черепа. Во время операции больной приходит в себя и спрашивает, что с ним произошло. Пациент прожил после операции 26 лет, жалуясь на легкое головокружение.

1940 год, Боливия. Доктор Итуррича вскрывает череп мальчика 14 лет, жаловавшегося на сильные головные боли. Вскрытие показывает, что его мозг отделен от внутренней полости черепной коробки.

Германия, доктор Хуфланд вскрывает черепную коробку разбитого параличом мужчины. Вместо мозга он обнаруживает 330 г воды. Возникает вопрос, чем этот мужчина думал.

В 1935 году в США родился ребенок, который прожил 27 дней. Он был таким же, как и все дети. После его смерти обнаружилось, что у него вообще не было мозга.

Все это наводит на мысль о странных отношениях между сознанием и мозгом. Так ли уж верна идея о том, что мозг рождает сознание? Может, прав Дж. Эклс, утверждавший, что мыслящей материи вообще не существует. Мозг в лучшем случае может только обнаруживать мысли, а не рождать их. Но если признать, что сознание не связано с мозгом, то нужно ли тогда признать, что оно никак не связано с человеком? Вот здесь-то и возникает настоящая игра с сознанием. Ведь если оно не связано с человеком, то тогда его можно приурочить к чему

угодно, в том числе и к небиологическим структурам. И, следовательно, нужно подготовиться к изучению мысли после человека. На мой взгляд, мы не можем помыслить мысль вне связи с человеком.

Сознание и познание

Среди ученых распространено мнение о том, что сознание так или иначе связано с познанием. Для нас, для русских, это мнение кажется особенно убедительным, ибо наш язык связал знание с сознанием. Но на самом деле сознание существует не для познания, а для бытия человека. Если бы оно существовало для познания, то оно должно было бы познавать и себя в качестве познающего, и нужно было бы подождать, пока оно себя полностью не познает. Поскольку познание бесконечно, постольку ожидание появления сознания биологического смысла не имеет. Сознание нужно для того, кто не знает, как вести себя, кто существует сразу в нескольких мирах, кого страсти влекут в разные стороны.

Тому, кто знает, как вести себя, сознание не нужно. Кто не знает, тот должен смириться с тем, чтобы сознание ограничивало его существованием только в одном мире, который он называет реальным. Вполне возможно, что существует много параллельных миров, но человек – это, по определению Платона, кукла, ибо сознание помещает его только в один из них, заставляя его следовать одному и тому же. Кто следует одному, а не многим, тот перестает просто жить и начинает осознавать, то есть переживать. Сознание заставляет живое не жить, а переживать, открывая тем самым горизонт человеческого в мире. Но зачем нам сознание? Может быть, для того чтобы говорить?

Сознание и язык

Для того чтобы говорить, сознание не нужно. Понимание сказанного не рождается самим актом говорения. Для того чтобы оно появилось, требуется соединить в речи воображаемое и реальное. Если врач говорит мне: «покажи язык», а я ему отвечаю: «покажи язык», то у меня нет понимания, нет сознания. У языка и у сознания разные истории. Весь смысл мысленного эксперимента Серла с китайской комнатой состоит, мне кажется, в том, чтобы показать, что, когда человек говорит, он, скорее, вычисляет, а не понимает. Как машина вычисления человек, бесспорно, уступает автоматам, которые имеют уже свою и отличную от человека историю. Но как осознающий человек является уникальным событием во вселенной.

Вступая в игру с сознанием, то есть вовлекая его в работу социально-экономических и интеллектуальных структур, человек проигрывает. Анонимные структуры выигрывают. Выигрывает то, что не нуждается в сознании.

1.2. От понятия к клипу

Нужно ли нам сегодня писать так, как писали еще в XX веке? Думаю, что нет, не нужно. В XX веке была тяга к гигантомании. Философы, такие как Сартр, писали огромные фолианты, в которых они двигались со скоростью повозки, заглядывая во все закоулки мысли, рассказывая обо всем, что они увидели или могли увидеть, ссылаясь на рассказы других писателей.

Нужно ли нам читать так, как читали в XX веке? Думаю, что не надо.

Пример. Девочка двух с половиной лет просит прочитать сказку «Красная шапочка». Ей начинают читать. Она останавливает чтение и предлагает сразу же прочесть ту сцену, в которой появляются охотники. Ребенок внимательно слушает финальный рассказ известной сказки несколько раз подряд. Зададимся вопросом? Какое мышление у ребенка? На мой взгляд, у девочки клиповое мышление. Почему? Потому что секущие плоскости ее мышления превратили сказку в серию эпизодов, из которых был выбран один, но самый интересный, самый главный и самый непонятный, а именно: появление съеденных волком бабушки и внучки целыми и невредимыми из живота волка. Девочку не интересует морализирующая сторона сказки. Это взрослым кажется, что сказка должна научить девочку не разговаривать с незнакомыми людьми. У взрослых – понятийное мышление. Ребенка занимает алогичность сказки, абсурдность произошедшего события. В ситуации абсурда, или, что то же самое, при больших скоростях общения, любая последовательность знаков становится обманчивой. Логика лжет. Она хороша при передаче мысли, при изложении, а не сочинении. Рождение мысли стоит вне логики.

Сознание, которое извлекает логику из события, является понятийным. Сознание, извлекающее абсурдность события, является клиповым. Указанное различие позволяет по-новому взглянуть на сознание со стороны самости.

Самость

Под самостью человека понимается то, чего больше нет ни у кого в мире: область внутренней детерминации, определение себя в своем отношении к миру. Условием самости является прекращение внешней детерминации и превращение невозможного в естественной среде в единственную возможность существования. Эта возможность связана с освобождением из-под запрета реакции на воображаемое, реакции на то, что не существует наяву, но существует как сновидение, как греза, как означаемое без означающего. Закрытость самости противоположна открытости коммуникации, которая организована вокруг означающего без означаемого, то есть Я. Отсюда следует, что самость по природе своей не коммуникабельна, а коммуникация в каждой точке своего пространства не принадлежит самости. То есть либо человек сам, и тогда у него проблемы с коммуникацией, либо он в коммуникации, и тогда у него проблемы с самостью.

Сознание

Сознание – это свойство самости, которая может двигаться в своей организации либо по направлению к Я, либо от Я. До Я сознание не обнаруживает себя и существует вне представления самому себе. Для него нет зеркала, в котором оно могло бы увидеть себя. И поэтому сознание существует в области не видимого человеком извне. Вот это сознание является темным. Оно существует как самоаффлектирующая самость.

Темное сознание просто есть как сон, как настроение, как крик эмоции. Но это есть недоступно для языка, ибо оно не отсчитывается от Я, принадлежа плану воображаемого. Точка отсчета возможна после слов «Я есть». С заполнения пустоты «Я есть» начинается язык. В точке пересечения языка и сознания возникает языковое сознание, «говорящее Я».

Движение сознания, отталкивающегося от факта существования Я, обнаруживает все кроме себя, ибо в этом движении оно является движением от первого лица. Я может выразить

через себя любой предмет из бесконечного множества предметов. В этой бесконечности есть все кроме самого Я. Но это все – не-Я. Это все предметы. Вот это движение сознания от Я к тому, что Я не является, стало называться предметным сознанием.

Если сознание предметно, то оно нефрагментарно. Последовательным сторонником такой точки зрения был Гуссерль. Но если оно фрагментарно, то оно непредметно. Непредметное сознание науку не заинтересовало. Но искусству оно понравилось. И оно устроило за ним охоту.

Лоскутки

Все знают, что такое лоскутное одеяло. Практикой пэчворка владели наши бабушки. Они хорошо делали половички. Но вот теперь мы узнали, что и наше сознание может быть сшито из лоскутков. Но узнали мы об этом не от ученых, а от художников. Не наука, а искусство раскрывает перед нами клиповую сторону сознания. Именно в науке применение стандартных приемов сознания оказалось наиболее спорным. Апроприация, пастиш, палимпсест выявили в науке ее «свое иное», ее тяготение к скрытым заимствованиям и открытому плагиату. Сегодня даже аспиранты знают, что диссертации и книги носят непонятный характер. Они сшиваются так же, как одеяло из лоскутков фраз, из обрывков чужих мыслей, из фрагментов, которые называются открытыми цитатами, референциями, аллюзиями, скрытыми цитатами, пересказами и критикой. Даже ирония стала сегодня способом присвоения того, что принадлежит сфере чужого ума.

Школа

Первыми забили тревогу учителя школы. Они обнаружили неготовность своих учеников читать большие тексты и слушать длинные речи. Учителя обвинили учеников в том, что у них не развито понятийное мышление, что они не умеют обобщать, неспособны связать концы с концами, не хотят читать книги, не могут сконцентрироваться. В чем причина такого положения дел? В плохой памяти? Конечно, память нужно тренировать. Но зачем? Чтобы запомнить длинный текст? Но не лучше ли его разбить на фрагменты? Педагоги видят причину в распространении интернета и вообще экранной культуры. Они полагают, что все дело в клиповом сознании, которое не умеет анализировать и склонно к просмотру дайджестов, выжимке информации из разных источников. Но в интернете и взрослые ведут себя, как дети. Они чувствуют себя раскрепощенными и анонимными, будто попали в какую-то большую толпу и растворились в ней, ни за что не отвечая. В социальных сетях легко потерять чувство реальности и вернуться в детство.

На самом деле в образовательных учреждениях столкнулись две реальности: книжная и экранная, нарождающаяся и отмирающая, ученики и учителя. Школьник смотрит на учителя как на экранного персонажа и ждет от него умения упаковывать мысль в образ. Образ – это не знак, не слово. Он не отсылает к другому образу. Знак – это всегда два знака. Знак отсылает к другому знаку, одно слово – к другому слову. Ученик еще не знает, что в школе не мыслят. В школе говорят. Это потом он поймет, что в школе учат. Поэтому понятийное мышление для него – это как бег с препятствиями. В нем смысла мало, а трудностей много.

В школе началась война между поколениями: школьники ориентируются на клиповое сознание, учителя приучают их к понятийному. Учителя привыкли говорить много, долго, утомительно и обо всем. Школьники хотят, чтобы они говорили коротко, как на камеру, и по существу, полагая, что урок – это место еще и для когнитивных развлечений. Лектору нужно давать не 90 минут, а 10 минут для изложения своих или чужих мыслей. Все остальное время должно уйти на обсуждение.

У педагога складывается простой концепт ума: быть умным – значит быть послушным. Ученик понимает, что ум нужен не ему, а педагогу. Педагоги придумали ум для того, чтобы им было легче управлять недорослями. Для ученика думать – значит быстро думать. Быстро думать мешают детали. Следовательно, детали нужно вынести за скобки. А учителю кажется,

что дети не готовы принимать взвешенные решения. Напротив, ученик склонен считать, что учитель не умеет мысль упаковать в картинку. Школьнику нужен афоризм, слоган, а не набор языковых штампов.

В музее, глядя на картины Пикассо, я могу видеть одновременно передний план и задний план изображаемого предмета. В магазине я прошу сделать мне нарезку. Секущая плоскость ножа превращает колбасу во множество фрагментов некогда монолитного куска. В школе составляют расписание. Секущая плоскость взгляда завуча превращает монотонное время во множество не связанных друг с другом уроков. Школьник в школе, как зритель перед телевизором, меняет один урок на другой. Смена уроков вызывает иллюзию огромной скорости движения, такую же, как у зрителя перед телевизором. Только у школьника – расписание, а у зрителя – пульт. Студента просят сделать конспект книги. Конспект – это монтаж мыслей, изложенных в книге. Книга требует медленного чтения, компьютер настаивает на быстром просмотре. Студент, как пассажир автобуса, может одновременно слушать музыку, читать книгу и общаться в социальных сетях. Кто плохо понимает чужие мысли, тот может изобретать свои, потому что чужие мысли носят, как правило, языковой характер.

Из вузов и школы исчезло главное – идея. А без идеи, без мифа школа – это не школа, а институт – это не институт, а место пребывания лоботрясов.

Идея

Идея – это социально приемлемая паранойя, которая может быть выражена в линейном порядке слов. Но все эти слова, как рисунки в пустыне Наска, до недавнего времени должны были прочерчиваться одной линией. Эта линия не должна была прерываться, потому что, прервавшись, она создавала разрыв в порядке, трещину в бытии, в которой мог обосноваться хаос. А хаос – это как броуновское движение атомов, ничем не связанные между собой серии и потоки множественного, образовавшегося на месте сингулярного (единичного). Поэтому логос запрещает своевольно прыгать с одной линии на другую, метаться между разными линиями, ибо в результате этих метаний будет существовать не что-то, а ничто. Охранять линейную последовательность философия поручила категориям гармонии и субстанции. Но субстанция служит не сознанию, а языку. Язык линейен, сознание множественно. Язык говорит: все по порядку, всему свое время. Сознание говорит: не хочу ждать, хочу одновременно видеть все сразу. С.Эйзенштейн придумал даже что-то вроде «книги-шара», в которой ссылки одной части на другую были взаимными. Кортасар выдумал «игру в классики», Борхес создал «Сад расходящихся тропок», а Павич вообразил «Хазарский словарь». Наконец, Витгенштейн, презрев свою аналитику, заговорил о «визуальной комнате». Иногда смотреть не легче, чем читать. Гринуэй говорит, что люди смотреть еще не научились, что смотреть труднее, чем думать. Теперь идея должна визуализироваться и приспособиться к серии множественного.

Клип заставляет сознание не продумывать мысли, а монтировать их. Быть не мыслителем, а режиссером мыслей. Сознанию нужна наглядность. Оно устало от абстрактного мышления, которое практикуют торговки на рынке и офисные менеджеры.

Любое мышление требует времени и сосредоточенности на чем-то одном. Нельзя думать и говорить. Когда говорят, тогда не думают. А если думают, то плохо говорят. Правильная речь – признак отсутствия мысли, то есть указание на то, что речи не предшествовало размышление.

Имманенция

В момент, когда сознание перестает быть тем, что оно есть, оно скрывает свою истину. Ни психологи, ни лингвисты не могут говорить на языке его истины, ибо они объективируют сознание, делая его чужим по отношению к себе. Сознание гибнет в мире любых объективаций, прежде всего предметных и языковых. Потому нам нужно поймать сознание в глубине его имманенции, в момент, когда оно находится у себя дома. Нам нужно живое сознание, не отчужденное от самого себя в языке и, следовательно, в знании. У себя дома оно у маленьких детей и, возможно, у сумасшедших.

Самоаффектация

Краснеть от смущения – значит находиться у себя дома, в глубине имманенции своего сознания. В самоаффектации сознание присутствует по отношению к самому себе, и это присутствие нельзя получить никаким внешним образом. Все знают, что если ты нарушаешь табу, запрет, то тебя будет мучить совесть. Человек может умереть от самонаказания. В лучшем случае у него может произойти нервный срыв, психическое заболевание, и физически здоровый человек может оглохнуть или ослепнуть. Результаты работы сознания можно наблюдать телесно, как, например, парализованную руку или ногу, как вполне реальный ожог.

Когда тело начинает реагировать не на внешнюю причину, а на призрак, тогда возникает мое тело, которое я переживаю в отличие от другого тела, которое я только наблюдаю.

Время

Любое мышление требует времени и сосредоточенности на чем-то одном. Нельзя думать и говорить одновременно. Клиповое сознание нас спрашивает: вы хотите думать? Пожалуйста, думайте, но думать – значит быстро думать. Вы хотите понимать? Ради бога. Но понимать – значит быстро понимать, а не танцевать герменевтические церемониальные танцы. Все, что мешает быстро думать и быстро принимать решение, должно быть оставлено без внимания. Клиповое сознание – это монтаж. Оно не обобщает, а выдумывает.

Быстроте мысли мешает увальень-язык. Клиповое мышление старается избежать встречи с языком, свести к минимуму его присутствие. Поэтому первый признак клипового мышления – это языковой минимализм. Мгновенное схватывание сути дела происходит в образе или наглядной схеме. Клиповое мышление интересуется не способ связывания одного суждения с другим, а наглядное изображение мысли в целом.

Другим признаком клипового мышления является обращение не к опыту, а к воображению. Опыт закрывает возможность связи с априорными ресурсами мышления. Воображение как раз использует эти ресурсы. Визуальное мышление актуализирует их.

Особенность клипового сознания состоит в том, что его нельзя представлять как поток. Оно перестает течь куда-либо. Это сознание вне времени. Это серия взрывающихся галлюцинаций, лопающихся пузырей субъективности, обусловленных сжатием границ антропологического в человеке. Человеческое теперь задается технически, как то, что не воображает и расположено вне самоаффектации. Коммуникация съела самость. Человек перестал узнавать самого себя.

Мир как визуальная комната

Клиповое сознание не мыслит, а визуализирует мир. Оно делает невидимое в мире видимым. Где мыслят, там, конечно, не существуют, а где существуют, там не мыслят. Напротив, визуализируют там, где существуют, а существуют тогда, когда возможна визуализация. Клиповое сознание работает по принципу зеркального отражения в визуальной комнате.

В визуальной комнате нет времени. Поэтому все восприятия одновременны и воспринимают себя. Я и есть восприятие Я. Если сознание уклоняется от мира и направлено на Я, то в зеркальной комнате оно ищет себя и не узнает себя. Когда мы видим себя в зеркале, мы знаем, что мы перед зеркалом, а не в зеркале. В зеркальной комнате бесконечное множество самоотражений, и мы не фокусе, не в центре. Мы не узнаем себя, мы не знаем, где мы стоим перед зеркалом. Все отражение. Если бы мы узнали себя в некоем центре, то тогда мы бы стали тем, что Гуссерль называл трансцендентальным Я.

Логос природы

Природа запрещает человеку отождествлять бытие и мысль о бытии. Она против Парменида и против Хайдеггера. Грезящая материя должна лишиться грез, то есть онтологического, чтобы оставить только онтическое. «Бытие не тождественно мысли», говорит нам все живое и неживое. Жизнь – это не логика, а абсурд. Чтобы не было абсурда, грезы материи нужно закупорить. И только в этом случае будет возможна эволюция, возможен отбор. Если бытие

равно пониманию бытия, то эволюция невозможна. И человек невозможен. Ведь человек – это девиация, отклонение от тождества. Как назвать того, кто не отличает бытие от мысли о бытии? Сумасшедшим. И первым это, видимо, понял Парменид. Что будет с человеком, если для него съесть банан и подумать о том, чтобы его съесть, одно и то же? Он умрет. Его забракуют эволюция. Поэтому для человека важно научиться соединять воображаемое и реальное.

Если сознание – это набор образов, склеенных между собой в одну эмоционально раскрашенную картину, то клиповое сознание – это монтаж картин-иллюзий, которые мы сами себе показываем. Но показываем мы их себе не потому, что хотим удовлетворить свою потребность в галлюцинациях, а потому, что мы знаем гораздо больше, чем можем высказать.

Клиповое сознание и априоризм

Сознание человека нельзя получить из опыта. В опыте есть все кроме сознания опыта. Априорные структуры сознания позволяют человеку расширять свои знания без обращения к опыту. А поскольку опытом обычно называют то, что зафиксировано в языке, то доопытные структуры сознания будут носить неязыковой характер.

Априорные структуры сознания проявляют себя прежде всего в художественном опыте. В наскальной живописи, в картине, изображающей раненого бизона из пещеры Ласко, мы видим точки-следы, хотя никаких точек самих по себе не существует. Сама реальность изображения есть не то иное, как объективированная иллюзия художника, место которого не определено в этой реальности. Неуместность художника, его пластичность сделали возможной его свободу от отсылок к чему-либо в мире, кроме себя.

Клиповое сознание пытается сконструировать свой взгляд изнутри самостояния человека без опоры на априоризм. Априоризм расширяет знания без расширения опыта. Клиповое сознание расширяет опыт без расширения знания. Оно сжимает временную последовательность до одномоментного разнообразия.

Часть 2

Клипы в философии

Клип – это часть, которая не отсылает к целому. Если бы она отсылала к целому, то тогда она была бы символом, а не клипом. Но эта часть не отсылает также и к другой части. Если бы она отсылала к другой части, то тогда она была бы знаком. Но клип – это и не знак. Это часть, которая отсылает к самой себе. А это значит, что у нее нет горизонта ни вовне ее, ни внутри ее. Клип избавляет сознание от необходимости обобщать. В нем общее предстоит осязательно. Посредством клипа сознание пытается проникнуть за пределы языка для осязательного прикосновения к миру. При этом сознание фрагментируется, ибо оно попадает в зеркальную комнату, в которой видит только свое отражение.

Осязательно пытались прикоснуться к миру два гения. Один жил в России, другой – в Германии. Первого звали Василий Розанов, второго – Фридрих Ницше. Оба они практиковали клиповое мышление в философии.

Пример клипа из философии Розанова. В XIX веке в России был популярен Чернышевский. Розанов не любил Чернышевского, но объяснять свою нелюбовь он не стал. Ведь если ее объяснять, то нужно анализировать взгляды Чернышевского, искать в них плюсы и минусы, создавать понятия, вступать в дискуссию. Розанов ничего этого не делал. Он создал «клип», образ, в основу которого он положил деталь, частность, одну фразу, сказанную Чернышевским.

К Чернышевскому Розанов подбирается как бы между делом со стороны Гоголя. Герои Гоголя, как куклы, не имеют внутреннего. Они просты и понятны. «Кто же, – пишет Розанов, – не поймет азбуки, понял даже Чернышевский, не умеющий различить чубука (трубки) от жены (основная идея «Что делать?»).» И далее идет цитата из Чернышевского: «Не обижает же вас, если кто покурил из вашей трубки: почему же сердиться, если кто-нибудь совокупится с вашей женой»¹.

То есть Гоголя поймет даже тот, кто не понимает, что жена – это не трубка. Так Розанов поместил в частность и Чернышевского, и его теоретические взгляды.

Пример клипа из Ницше. В «Несвоевременных размышлениях» Ницше нужно сказать, что между животными и людьми нет никакого различия. И одновременно нужно сказать, что это различие есть. Как Ницше строит свое клиповое мышление? Он начинает делить людей на две части: одна и самая большая – это люди звери. Другая – это люди не звери. Ницше пишет в «Шопенгауэр как воспитатель»: кто нас поднимет из потока жизни? И отвечает: «Это те подлинные люди, которые уже не звери, – философы, художники и святые; при их появлении и в их появлении природа, которая никогда не делает скачков, делает свой единственный скачок радости...». В этом образе-клипе Ницше упакована ментальная энергия аффекта, которая равна теории эволюции Дарвина. То есть людьми нас делают художники, философы и святые, и это их дело нельзя объяснить естественными причинами. Художник – это пропуск, разрыв в причинной цепи, скачок к тому, кто самим собой начинает быть человеком.

Эти два примера клипового мышления заставляют вновь поставить вопрос о том, что такое философия.

2.1. Что такое философия?

Философия – это то, при помощи чего меньшинство отделяет себя от большинства людей, отмахиваясь от них как от назойливых мух. Философия – это граница между большинством и меньшинством. Как эта граница устанавливается? Очень просто.

Пример. Мы смотрим на чашку. Что мы видим? Чашку. А что видит философ? Чашечность. Чтобы увидеть чашку, достаточно иметь глаза. А чтобы увидеть чашечность, нужно, скажет философ, иметь ум. Как только исчезает различие между меньшинством и большинством, исчезает и философия.

Философию придумали умные люди, которые не принадлежали к большинству, у которых не было своего места в мире. Поэтому умные люди всегда неуместны и несвоевременны.

Маргиналы

Философ – это прежде всего иммигрант, «лимитчик», гастарбайтер. Он всегда неместный. Он приехал откуда-то со стороны, из другого мира. Например, из Малой Азии в Грецию, как Анаксагор, которому в Афинах было ничто не мило, ничто не дорого. Для всех греков солнце – это бог, для Анаксагора – это камень. Понятно, что греки прогнали Анаксагора из Афин, и он умер.

Философ ни к чему не привязан, ничего не ценит, ко всему относится критически. Его не устраивают ни местные боги, ни местные традиции, ни местные власти. Философия – это всегда взгляд другого, взгляд со стороны, из иного мира. В нем, как у Гераклита, нет ни сочувствия к людям, ни сопереживания, но есть любопытство.

Философ – эстет, метафизик, а философия с самого начала является потусторонним взглядом на привычное, на близкое. Сократ, ученик Анаксагора, хотя и был из местных, но вел себя как философ, то есть как чужестранец, как посторонний, разрушая мир подручного, обжитого, конечного. За это, да еще и за высокомерное поведение в суде, его и убили.

Никто не знает, оплакивала ли его Ксантиппа или нет, но к философии она не имела никакого отношения.

Почему у философии неженское лицо?

Неженское это дело заниматься философией. Почему неженское? Потому что философия рождается в обожающем взгляде, который бросает один мужчина на другого. Философы – это люди лунного света. У них то, что они чувствуют, растворяется в том, что они видят. Тогда как у всех нормальных людей видимый мир растворяется в мире переживаемом.

В момент, когда философия начинает рождаться в обожающем взгляде женщины, бросаемом на мужчину, тогда начинается деградация философии. И мужчина, как Ориген, должен оскопить себя, чтобы остаться философом.

Если взгляд обожания бросает на женщину мужчина, то от этого взгляда рождается не философия, а дети. Обожание между женщинами ни к чему не ведет. В нем ничего не рождается кроме техники овладения телом. Но овладеть техникой – не значит совершить поступок.

Поступок

Философия – это поступок. Поступать означает самого себя класть в основание цепочки причин и действий. Только маргиналы могут представлять философию как личностный акт, как поступок, ибо только они, вступая в конфликт с традицией, могут класть себя в основание причинных цепей.

Если философия – это поступок, то философ – это не профессор в очечках, а киник или юридивый. А это значит, что в пространстве философии пульсирует асоциальная по своей природе энергия, заставляющая философа выходить за пределы, переступать нормы, то есть быть как бы социальным преступником. Философия вообще является социально приемлемым

видом интеллектуального юродства. Киник Антисфен говорил, что лучше быть животным, чем человеком, а также, что лучше быть варваром, чем эллином.

Сегодня философ – это не философ, а актуальный художник, акционист, устроитель перформансов. Это группа «Война» или Кулик и «Синие носы». Но перформанс – это не поступок, у которого есть следствия, а эпатаж, пощечина общественному вкусу. А это значит, что современные философы существуют за пределами философии. Тем самым мы имеем двойной разрыв в виде философии без философов и философов без философии.

Мыслитель

Традиционно философ понимается не как киник, а как платоник, то есть как мыслитель, а философия – как мышление. Философы – это мыслители. Они, говорит Хайдеггер, называются так, потому что мышление происходит главным образом в философии. Мыслитель – это человек, который вводит ненаблюдаемые сущности для того, чтобы объяснить наблюдаемое, отвечая на вопрос: что это? И почему это, а не то?

Например, мы хотим понять, почему люди тоскуют, почему они не могут жить без тоски. Мы идем за помощью к ученому. Ученый, отвечая на этот вопрос, непременно расскажет что-нибудь об устройстве нейродинамических структур мозга. Но этот рассказ мы не можем сделать фактом своей сознательной жизни. И тогда мы идем к философу. Философ не пойдет по следам ученого, ибо ученый, на его взгляд, не мыслит. Он испытывает природу. Философ же мыслитель, то есть он, следуя за Декартом, скажет, что все дело в добре и зле, в том, что добро субстанциально, а зло функционально. То есть добро может существовать без зла, а зло без добра – не может. А это значит, что нельзя провести ясную границу между добром и злом. И, выбрасывая зло, нам приходится вместе с ним выбрасывать и добро. Вот об этом добре и тоскует человек. Этот рассказ расширяет наше сознание, хотя мы не узнали из него ни что такое добро, ни что такое зло.

Мышление – это логически упорядоченные грезы, путешествие воображения в то, что может оказаться истиной.

Тайна мышления

Тайна – это не секрет, который мы знаем, но о котором мы никому не говорим. Тайна – невыговариваемое в речи, то, что принуждает нас к речи, но речью не является.

Когда мы говорим о тайне мышления (а мышление – это тайна), то говорим о невыговариваемом в мышлении, о немислимом, о том, что принуждает нас к мысли, но само мышлением не является.

Что же в мышлении есть такого, что не выговаривается в нем? Может быть, тайна мышления в восприятии? Что же такое восприятие? Хайдеггер полагает, что воспринимать – значит замечать присутствующее. Но заметить присутствующее – это еще не значит мыслить. В противном случае баран, заметивший стог сена, оказался бы настоящим мыслителем.

Может быть, воспринимать – значит другое, а именно: изъять себя из состава наличного, из порядка того, что не скрывает своего присутствия. И действительно, в нашем «я» отражается весь мир, но в этом мире нет «я», то есть в нем есть какая-то дыра, какой-то изъян. И это меняет представление о восприятии, ибо мы воспринимаем не потому, что нечто присутствует, а благодаря тому, что нечто изъяло себя из мира. Конечно, мы можем воспринимать и то, что отсутствует. Например, мы не видим своего друга среди присутствующих в кафе. Но его отсутствие – это не дыра в мировом порядке, ибо он присутствует в другом месте.

Что же изымает себя из состава бытия, чтобы воспринять его в качестве присутствующего? Изымает себя наше «я». «Я» – это изъятие себя из того, что присутствует. Изъятое из мира «я» является грезой. Грезящий человек не является вещью среди других вещей или, что то же самое, мышление и бытие не одно и то же. Мыслить – значит изымать себя из состава сущего. Изъятие «я» позволяет миру открыться для восприятия.

Грезы дают нам возможность мыслить, то есть они дают нам то, что уже имеют в себе. И в этом смысле мыслить – значит грезить. Грезы не создаются нами. Они приходят к нам, не основываясь на представлениях о вещах, предъявляя нам то, чего нет в мире. Движение к предметности начинается с беспредметной грезы, которая, овладев телом, впервые являет себя миру в самоаффектации.

В самоаффектации я не говорю, что пришла весна. Я улыбаюсь, я беспричинно рад. Я радуюсь радости. Моя радость имеет причину во мне. Но чувство радости не перестает быть чувством, хотя оно и связано с тем, что пришла весна. Это чувство не подлежит проверке в терминах истины и лжи. И только в момент, когда я понимаю, что весна пришла не потому, что я рад, и не для того, чтобы обрадовать меня, я начинаю мыслить, то есть полагать содержание радости (то, что весна пришла) в качестве объекта, от радости независящего. Теперь радость и весна – это два разных события. «Пришла весна» – это уже суждение предметное, подлежащее проверке на истину и ложь. Так совершается то, что называется мышлением, тайна которого всегда коренится в грезах.

В русской философии тайна мышления связывается с теорией сердечного человека. Суть этой теории И. Киреевский формулирует так: «Что есть в сознании и чего нет в чувстве, то ложь данного человека». Мышление только тогда становится точным, когда в нем совпадают чувство и сознание.

Двойная непрозрачность философии

Философское мышление обладает двойной непрозрачностью. Она непонятно большинству. А после того, как оно стало непонятно большинству, оно становится непонятно и самим философам, ибо их мысли сегодня куда-то улечиваются, а слова остаются, и эти слова ничего не говорят о мысли. Поэтому все упования современных философов на то, что их непонимание может вдруг оказаться светоносным.

Если философия – это пространство свободного мышления, если это путешествие в мир ненаблюдаемых сущностей, то философ – это метафизик, то есть человек, который утратил связи с сознанием повседневности. Философия как метафизика никого лично не касается. И поэтому она подлежит забвению.

Утешение

Чтобы не попасть в список того, что забывается, философия должна отречься от метафизики, а философ должен объявить себя антиметафизиком, то есть тем, кто хочет вернуть сознание в мир обжитого, конечного. Для этого ему, как блудному сыну, нужно объясниться со своими родителями, то есть со здравым смыслом.

Но если философия перестает быть метафизикой, то тогда ее нужно понимать как утешение, а философа – как утешителя, который практикует субъективирующее мышление. То есть что он делает? Он переводит униженных и оскорбленных из одного состояния в другое, в котором они забывают о том, что унижены и оскорблены. Люди как дети. Философ – это взрослый, который всегда может сказать детям: смотрите, птичка пролетела. И дети будут смотреть, забывая о боли и страданиях. Тем самым философия становится коллективной психотерапией.

Овод

Философия как утешение – это цветок, из недр которого неохотно выползает философ-шмель, философ-овод. Оказывается, философия не столько утешает, сколько кусает и больно жалит. Она припекает и обжигает. Она не дает спуска никому: ни обывателю, ни ученому, ни священнику, ни самой себе. В философии есть что-то садистское и мазохистское. Поэтому философа никто не любит. Он одиночка. Анахорет. Человек пещеры. По словам Антисфена, человеку пристало жить без общины, без дома, без отечества. Социум преследует философа. Философ отвечает миру взаимностью. Он не любит людей, и особенно не любит политиков, которые присвоили себе такого монстра, как социум.

Философия – это способ, которым маргинал, одиночка, шизофреник и аутист мстит социуму. Протагор расшатывал социум своей софистикой. Социум сжигал его книги на площадях и прогонял его из Афин. Поскольку социум – это массы, связанные языком, постольку философия расшатывает язык, расплавляет смыслы и значения слов. В результате слабеют социальные цепи, ослабляется власть политиков. Если не расшатать вяжущие связи языка, то нельзя освободить свое уже-сознание. А без уже-сознания люди – социальные куклы. Если язык укрепляет социальные связи, то сознание расшатывает их, обнаруживая зыбкость человеческого существования. Философия расплавляет смыслы в безнадежной попытке извлечь новый смысл, затрудняющий превращение человека в марионетку.

Философ не любит рассуждать о языке своей философии. Он не интересуется познанием познания. Философ – делосский ныряльщик, а не рефлексун. Ему нужно достать со дна моря жемчуга смыслов, а не наблюдать за рефлексивной рябью поверхности мысли.

Непослушание философа

Как ни странно, философия, будучи любовью к мудрости, не любит ум. Почему? Потому что ум нужен всегда другому. Другой выращивает в нас ум для того, чтобы сделать нас послушными. То есть быть умным – значит быть послушным. Философия не хочет, чтобы мы были послушными. Она помогает нам все делать так, чтобы в нас ничто не проникало без нашего на то согласия. Она дает нам ту меру безумия, которая позволяет нам оставаться такими, какие мы есть. А мы всегда уже есть такие, какими мы еще только хотим стать.

Ум сопряжен с политикой, с выстраиванием пространства послушания. Политики используют ум для того, чтобы задним числом оправдать те глупости, которые они делают. Философия приучает нас слушать вне горизонта послушания.

Преподаватели философии

Помимо политиков потребность в уме испытывают преподаватели философии. Любой преподаватель – это политик, ибо он нуждается в послушании. Его философия – это учебники по философии. Учебники – это то единственное, что не может тебя укубить, задеть, и одновременно то, что нельзя расшатать и расплавить, то есть нельзя вернуть философии, офилософить.

Пастиш

В любом современном философском тексте можно найти следы другого текста. А это значит, что тождественность текста самому себе не гарантирована авторской подписью. Сен-Симон, присваивая тексты Конта, не разрабатывал стратегию апроприации. А Гегель, которого Шеллинг подозревал в подражании своему стилю, не имел склонности к применению техники палимпсеста. Чтобы Гегель ни писал, через его тексты проступал не Шеллинг, а Гегель, равно как в текстах Маркса проступал не Фейербах, а Маркс.

Современный философский текст – это лоскутное одеяло, сшитое в апроприативной технике. В нем есть неотмеченные цитаты, пересказы, референции, аллюзии и отмеченные цитаты.

Плагиат выступает сегодня в благородной форме пародии и в стиле пастиш, как подражание мастеру. Ирония покровительствует откровенной эксплуатации ранее найденных философией схем мысли. В ней под видом отрицания существует утверждение. И наоборот. Какой бы текст философ ни написал, в нем обязательно проступит уже кем-то написанная фраза, например, «бытие определяет сознание». Так действует философский палимпсест.

Паталогоанатомы

Философия – это не история философии. Историки – это паталогоанатомы философии. Всякая философия умирает, если она перестает плести вяжущие связи между тавтологиями и парадоксами, своими метафорами и абсурдом. А это значит, что сегодня философы не мыслят сами. Они могут только переживать заново те мысли, которые ранее были помыслены. А поскольку помысленные мысли на дороге не валяются, постольку их надо как-то добывать, находить, то есть реконструировать. А это уже дело эксперта.

Экспертиза

Современная философия – это экспертиза. А экспертиза по своему существу есть нечто бесполое. Поэтому сегодня философы не являются ни мужчинами, ни женщинами. Они являются экспертами, гуманитарными технологами.

Если философия – это экспертиза, то она не может быть личностным актом, поступком. Эксперт не может положить себя в основание нового ряда явлений, так как для этого ему нужны еще одни основания, которые ведут к дурной бесконечности. Он не маргинал. Философия эксперта – это философия без поступка. А философия без поступка – это просто болтовня, языковое неистовство, отношение к объекту, не опосредованное отношением к самому себе.

Эксперт даже не мыслитель, ибо он глух к шагам тавтологий в пространстве мысли.

Шаги тавтологий

Философия – это имена. А каждое имя – это сжатая пружина смысла, энергия стиля. В философии есть ритм и нет проблемы начала. Философ может начинать с чего угодно и говорить о чем угодно. Но его язык всегда будет непреднамеренно тавтологическим, то есть пустым. Например, прекрасное, согласно Платону, прекрасно благодаря прекрасному. Эта пустота не просто пустота, она, как «Черный квадрат» Малевича, полна и плодотворна. В любой философии слышны шаги тавтологий. Они слышны, например, в определении понятия субстанции. «Под субстанцией, – говорит Спиноза, – я разумею то, что существует само в себе и представляет само через себя, т. е. то, представление чего не нуждается в представлении другой вещи, из которой оно должно было бы образоваться». Так возникает философский дадаизм.

Тавтологии очаровывают. В них есть дробь барабана, монотонный повтор и невозможность найти аналог повторяемому. «Я» – это всегда «я», и найти замену «я» невозможно. Но не всякая тавтология является философской. Если я говорю, что дом – это дом и больше ничего, то я лукавлю, ибо в доме может быть гостиница, столовая, пристройка. Если я говорю о добре, то я имею в виду, что добро – это добро, и больше ничего в нем нет. Для всякого дома найдется причина. Для добра нет причины. Повторение того, что имеет причину, является скучным и неплодотворным. Высказывание «дом – это дом» не есть философская тавтология. Повторение же того, что не имеет причину, является плодотворным, ибо оно требует усилий. Например, усилие мысли нуждается в пространстве пустых слов.

Пустые слова

У каждой философии есть своя мелодия. Мелодия – это ключевая метафора. Философия без метафоры – это как корова без вымени, без молока. В ней смысла нет. Метафора – источник, образ, то, откуда берет свое начало мышление. Чтобы появилась метафора в языке, нужны пустые слова. Философия обожает пустые слова. Например, «бытие» – пустое слово, «я» – пустое слово. Благодаря этой пустоте можно сказать: я – дом, я – солнце, я – зверь, потому что я – ничто из того, что есть.

В философии, как в музыке, есть свой контрапункт. Этот контрапункт задается обменом негативностью. Например, радость – это не горе, а горе – это не радость. Радость возвышает, горе низвергает. Но иногда антонимы вступают в позитивный обмен смыслами. Например, ты ждешь повышения по службе, а все места заняты, и вот умирает твой друг, место для тебя освобождается. Между радостью и горем происходит обмен смыслами. И ты испытываешь горькую радость. Так ты узнаешь о существовании абсурда.

Абсурд

Каждая философия несет в себе свой абсурд, благодаря которому освобождается неязыковое в языке. И истина оказывается не истиной, а ложью. Равно как заблуждение оказывается не заблуждением, а истиной. Благодаря философии мы узнаем о существовании мира, в котором нет ни лжи, ни истины. Этот мир иногда называют миром симулякров. Любое начинание, всякий первый шаг рождаются в состоянии, о котором ничего нельзя сказать на языке истины.

Философия без парадоксов – это не философия, а инструкция. Абсурд выводит философию за пределы языка к молчанию. Любая философская мысль пульсирует между тавтологиями и абсурдом.

Ускользящая философия

Чтобы сегодня понять, что такое философия, нужно научиться читать философские тексты, чтобы потом убедиться в том, что философ – это не тот, кто умеет читать эти тексты, а тот, кто умеет говорить о том, о чем невозможно молчать.

Нужно научиться говорить, чтобы понять, что философ – это не тот, кто умеет говорить красиво, а тот, кто умеет слушать.

Нужно научиться слушать, чтобы понять, что философ – это не тот, кто умеет слушать, а тот, кто умеет молчать.

Нужно научиться молчать, чтобы понять, что философ – это не тот, кто умеет молчать, а тот, кто умеет грезить, сопрягая грезы со словом или поступком, соединяя видимое и невидимое, языковое и безъязыкое. Человек может мыслить, поскольку он имеет для этого возможность. Эту возможность ему дают грезы.

Каждый человек грезит. Русские грезы актуализируют русские философы.

Русская философия

Русская философия возникает вне философии, поэтому в ней нет желания разрушать подручный мир обжитого. Функцию разрушения берет на себя русская интеллигенция. Философы – охранители преданий, они, как Аксаков, отзываются не на зов бытия, а на зов дома. Бытие – это не дом, и язык – это не дом бытия. Как говорил Шпет, язык наш – враг наш. Бездомность является отличительным признаком мысли интеллигента. В России философы – не интеллигенты, а интеллигенты – не русские философы.

Философия и онтология

Бытие – это то, чего не было и никогда не будет. Оно всегда есть. Но если оно всегда есть, то внутри него нет смены состояний. А если в нем нет смены состояний, то оно не имеет никакого отношения ко времени. А если оно не имеет отношения ко времени, то нужно говорить об идее бытия. Сущее существует без бытия. Бытие не существует без сущего. Но и человек – это идея человека, то, чего никогда не было и никогда не будет. Человек уже есть, но как Христос, как то, внутри чего нет смены состояний.

Чем же отличается бытие от человека? Тем, что у бытия нет боли и нет страха. А у человека есть и то, и другое. Онтология смещает человека из центра философии и превращает его в нечто необязательное. Онтология была бы возможна, если бы бытие не зависело от человека. Но бытие, не зависимое от человека, это существование, а не бытие. Есть только одно бытие. Это бытие человека. Или еще строже. Есть только одно бытие – бытие Бога, никакого другого бытия нет. Онтология – это необъявленная война философии с человеком, стремление философов деантропологизировать мир.

Антропология как философия

Человек – очень пластичное существо. Быть пластичным – значит быть эмоциональным, возбуждающим в себе самом чувственность. Фундаментальное свойство человека – самоафектация.

Человек существует без сущности. Если он когда-нибудь начнет существовать с сущностью, то перестанет грезить, то есть предьявлять себе тот объект, которым хочет овладеть. Греза, овладевшая телом человека, превращает его в мыслящую вещь. В социуме живет не мыслящая вещь, а языковое существо.

Резюме

Философ – это уходящая фигура. Кто придет ему на смену? Может быть интеллектуал?

2.2. Почему интеллектуалом быть неприлично

Интеллектуалам я хочу напомнить о том, что наша жизнь состоит из событий. Но еще в ней есть смыслы. При этом каждое событие является катастрофой для смысла. Смыслы – бессобытийны. События – бессмысленны.

1. В современном обществе явно преувеличена роль всех тех, кто создает событийную сторону жизни. Среди этих «всех» мы видим шоуменов, спортсменов и политиков. В последнее время к ним присоединился еще и интеллектуал.

Интеллектуал не имеет какой-то определенной профессии. Вернее, его профессия быть экспертом, тем, кто во всеуслышание объявил себя носителем какого-то особого, невиданного ранее знания. Интеллектуалы называют его экспертным знанием. Я думаю, что любым событиям противостоят смыслы. Смыслы лишают события состава его событийности. Между смыслами и событиями всегда идет война. Интеллектуал в этой войне находится на стороне события. Что же это за фигура? Откуда она взялась и что она делает?

2. После того как Платон рассказал нам мифы о «Пещере» и «Человеке-кукле», стало ясно, что человек – это не часть природы, что реальность – это не вещи, а объективированная иллюзия. Иллюзия же может быть либо объективирована в вещах и языке, либо актуализирована в мистериальных играх души. То, что интеллектуал в этих играх не участвует, очевидно. Правда, остается ответить на вопрос: какую роль он играет в процессах объективации ума, в созидании реальности?

3. Для того чтобы ответить на вопрос, нужно понять, какие отношения возможны между философом и интеллектуалом.

Философ самим фактом своего существования указывает на мыслящее начало человека. Мыслить – значит терзать себя грезами. Философия возвещает о том, что только грезящее, то есть мыслящее, существо может решиться на первый и потому бессмысленный шаг, чтобы потом в следующий момент времени узнать, не появились ли смыслы. А это значит, что разумным существом можно стать только потом, только вторым шагом. Иными словами, философы говорят нам, что нет иного пути к уму кроме мыслящего безумия.

Но интеллектуал не безумец, не авантюрист, чтобы заниматься философствованием. Ведь философия – это интеллектуальное юродство. А интеллектуал не хочет быть юродивым. Он не желает терять свою солидность. Поэтому ни один интеллектуал не является философом. И ни один философ не является интеллектуалом. Сегодня в мире мало философов и много интеллектуалов, тех, кто не хочет делать первый шаг, кто желает начинать движение сразу со второго шага. Поэтому любой интеллектуал, как и спортсмен, – это, безусловно, разумное, но немыслящее существо.

Как разумное существо интеллектуал обращен к миру, но не для того, чтобы заниматься миром и его иллюзиями, а для того, чтобы не заниматься собой, своей самостью. Так интеллектуал поневоле становится революционером производства, то есть главной фигурой экономики знаний.

4. Тем самым интеллектуал вступает в область производства объективных мыслительных форм – в область идеологии.

После Дестюта де Траси каждый идеолог занят тем, что распутывает те немногие мысли, в которых запутался человек. Для ускорения процесса идеологи научились производить сознание. А это значит, что они научились в разные головы людей внедрять одни и те же идеи, добиваясь, с одной стороны, социального консенсуса, с другой – единомыслия.

В конце концов работа идеолога оправдана тем, что он хочет уменьшить количество причин для распри. Действительно, мир слишком большой, а головы у людей слишком маленькие. И нужно упрощать мир, чтобы он поместился в наших головах. Но кто упрощает, тот и иска-

жает. Упрощая, идеолог все-таки ориентирует человека в мире, оправдывая задним числом неудачные заблуждения. Идеолог создает ложное сознание, которое оказывается случайной истиной ложного мира. В этой своей роли он замещает и священника, и политика.

Но интеллектуал не упрощает мир и не оправдывает заблуждения. Он говорит с миром на языке истины. Интеллектуал – не идеолог, а диссеминатор знания.

5. Последнее обстоятельство предопределяет его отношение к власти, которая сегодня не сомневается в том, что самораскрывающейся сущностью человека являются его галлюцинации. А это значит, что каждый человек, любое общество нуждаются в определенной порции иллюзий. Все нуждаются в них, но не все их могут произвести. Только интеллектуал не нуждается в них. Производителями социально приемлемых иллюзий остаются идеологи. Интеллектуал как основная фигура экономики знаний разлагает различного рода предметные знания до уровня, приемлемого производством. Он размельчает их до капиллярного уровня, рассеивая как пыль, как споры, так, чтобы они проникали в головы людей, не спрашивая на то их согласия. Сам интеллектуал является образцом отношения к миру, не опосредованному отношением к самому себе. В интеллектуале истина отсылает не к самой себе, а к другой истине. В бесконечности самоотсыла она теряется. Единственным напоминанием о ней является фигура интеллектуала, разменявшего истину на знание, на рационально устроенный порядок значений. Поэтому никто больше уже не может сказать: «Что есть истина?» и «Где она существует?» Истины нет нигде. Знание мы находим везде. Поскольку прошло то время, когда субъектом истины могла быть только сама истина, постольку интеллектуал стал распорядителем знания, функционером истины.

Но и власть перестала быть сущностью, которая сама себя раскрывает. Теперь ее раскрывает чиновник. Он отсылает власть к тому способу, каким она есть для народа. Поэтому власть теряется в деловых мелочах службы бюрократа. Никто теперь не может сказать, где находится власть и кто является ее носителем. Поскольку власть перестала быть содержательной и становится формальной, постольку чиновник превращается в распорядителя формализованных различий. Отныне никто не видит власти, хотя она везде. Значимость интеллектуала состоит в том, что в его фигуре функционер истины совпадает с бюрократам власти. Функционер находит у власти поддержку для истины, а бюрократ находит у истины поддержку для власти. Так они и сосуществуют, поддерживая друг друга. В современном обществе власть видит свою опору не в среднем классе, а в интеллектуале, в том, кто порвал связи со своим уже-сознанием, со смыслами и больше не играет в прятки с миром. Интеллектуал – это не средний класс и не пролетарий умственного труда. Это всеобщий эквивалент для экономики знаний. В знании есть прогресс, но есть ли прогресс в философии?

2.3. О прогрессе в философии за последние 50 лет

Прогресс в философии – понятие довольно смутное и спорное. Критерии прогресса сомнительны. Бесспорно одно: философия нелинейна. В ней Кант – не ступенька к Гуссерлю, не предельный случай феноменологии, а Делез – не истина Сартра. В ней Хабермас ругает Фуко, а аналитики не признают Батая.

Философия – это пространство свободных размышлений. Поэтому философия не может не быть некоторым множеством поименованных сознаний. Философия – это имена. Она полидискурсивна. Что было бы с философией, если бы в ней осталось одно какое-нибудь имя. Это был бы интеллектуальный кошмар. Что стало бы с американской философией, если бы она была представлена одним Дэвидсоном и Серлом. За последние 50 лет пространство свободных размышлений резко сузилось. Оно оказалось никому не нужным. Из философии исчезли имена. Пространство мысли затопило усредненное безмыслие. Одна часть философов мигрировала в сторону литературы, другая направилась в сторону науки. Первые стали приложением к тексту, вторые превратились в комментаторов науки. Замечу, что американская философия очень похожа на советскую в том смысле, что обе они ориентируются на науку, очень хотят быть научными.

О каком прогрессе в философии можно говорить, если прошло почти 200 лет, а глава 24 из «Критики чистого разума» Канта как была, так и остается загадкой. Если рассуждения того же Канта о схематизме понятий рассудка по-прежнему подобны темному лесу, в котором все мы до сих пор блуждаем. Правда, Хайдеггер попробовал рассеять эту тьму, но и он ничего не смог сделать. Кант – это не Хайдеггер. Проблема состоит в том, что Кант вводит представление о некоем третьем, о том, что позволяет применить категории рассудка к предметам опыта. Но какой силой держится это третье? Почему оно не разваливается на части, не ясно. Ясно лишь одно, что это третье Кант называет трансцендентальной схемой. А также ясно, что без продуктивной способности воображения априори невозможны ни чувства, ни рассудок, но внятного толкования этой способности нет ни у Канта, ни у Хайдеггера. Если я правильно понимаю, то есть только одно существо, которое воображает, и это существо называется человеком.

Я не кантианец. Я могу взять в качестве примера отсутствие прогресса в философии знаменитый пассаж Гегеля о том, что «человек есть ночь мира». В этом тексте Гегель представил проблему человека с такой стороны, с какой нам на нее еще только предстоит посмотреть.

И тем не менее что же все-таки произошло в философии за последние 50 лет? На мой взгляд, в ней произошло три события.

Одно из них связано с осмыслением феномена слепоглухонемых людей. У них не было ни зрения, ни слуха, они не умели говорить, но в них было что-то дремотное, что позволило им стать людьми. У обезьяны есть и зрение, и слух, и язык, но она никогда не сможет стать человеком, ибо она всегда будет ускользать от депривации, которая накладывает запрет на контакт с вещами.

Благодаря Ильенкову и Мещерякову стало понятно, что человек может видеть глазами другого человека. Что отсюда следует? Мне кажется, что в философии лучше стали понимать одну простую истину, а именно: сознание не помещается в пределах мозга человека, оно расфокусировано на некое множество людей и может приходить и уходить из любой точки этого множества. Мозг приспособляется к существованию сознания, а не наоборот.

Другим событием в философии стало открытие феномена аутизма. Я имею в виду не аутизм медицинский, не аутизм психически больных людей, а аутизм как стратегическую линию в поведении человека, которая описана Никольской, Бородаем и Поршневым. Аутист и видит, и слышит, и может говорить, но отказывается от зрения, слуха, речи, чтобы пребывать в состоянии замороженного покоя.

Вопрошание о бытии человека в горизонте аутизма открывает неожиданные вещи: оказывается, что человек – это не биологическое существо и не социальное, а грезящее, то есть нечто третье. Но человек не только асоциальное существо, но еще и существо безъязыкое, причем сознание и язык не связаны друг с другом. Если сознание является первичным галлюцинаторным самоограничением человека, то язык – это уздечка на эмоцию, условие, чтобы асоциальные существа могли жить вместе. На мой взгляд, человек вообще появился совсем недавно, примерно 50 тысяч лет тому назад, а язык еще раньше, хотя тезис этот, конечно, спорный. Я хочу обратить внимание на мизологию, которая является одной из проекций аутизма. Мизология – это термин Канта, он обозначает нелюбовь людей к разуму, к сознанию. За что люди не любят сознание, почему они бегут от мышления? Потому что оно лишает нас радостей жизни и отбирает надежду на счастье. Что нужно для счастья? Для счастья нужен интеллект, то, что не связано с сознанием. Интеллект есть у всех. Мир – это, как говорил Шеллинг, есть застывший интеллект. Интеллект нужен Каспарову, когда он играет в шахматы с компьютером, интеллект нужен математику. Интеллект нужен обезьяне, когда она пытается сорвать банан, но ни в одном из этих случаев не нужно сознание. Почему? Потому что сознание – это способ причинить себе страдание, нанести себе ущерб; это тот клюв, которым разбивается скорлупа аутизма человека.

Что же есть в сознании такого, за что мы его не любим? В нем есть хаос грез и галлюцинаций, которые в свою очередь составляют предпочту любых априорных синтезов.

Третье событие – это крах идеи знаков и освобождение идеи символов. То есть умение современной философии отличать знак и символ. Вообще-то, символ погубил Гегель, который приравнял его к недоделанному понятию, но вот знак похоронили французы. Как только французские философы перестали отличать означающее от означаемого, они фактически отказали знаку в праве на существование и знаковая сторона культуры, как шагреновая кожа, стала сокращаться, оставляя место для симуляции и символов. Символ – это, как когда-то заметил Флоренский, есть тождество символа и символизируемого. Без этого тождества, без встречи означающего с означаемым мы, как я думаю, обречены на существование в симулятивных пустотах культуры. Письмена души человека записаны не знаками, а символами.

Человек – это не симулякр. Это мыслящее, но не разумное существо. В современном же мире очень много разумных существ, но не мыслящих. Ум человека предстает не как инстинкт, не как счетная машина, а как объективированное страдание, как опредмеченная эмоция. Вот это последнее обстоятельство, как я думаю, стало отчетливее пониматься философией в последние годы. Особенно в России.

2.4. О современном состоянии философии в России

Современное состояние философии в России определяется, на мой взгляд, следующими обстоятельствами:

1) скрытым конфликтом между двумя дискурсами – русским и советским. Русский дискурс ориентирован на православные ценности и литературу. Советский дискурс ориентирован на науку и общечеловеческие ценности. Современная философия в России в значительной мере является реализацией интеллектуальных проектов европейских философов;

2) противостоянием философского способа мышления и научного. Наука пытается решить фундаментальные проблемы философии без философии. И прежде всего проблему сознания. Для этого она радикально упрощает проблему и отказывается от понятия идеального, от трансцендентализма и т. д. Философия обвиняет науку в реакционности, в варваризации мышления;

3) поисками философией ответов на вопросы, которые поставлены самим фактом существования виртуальных практик и актуального искусства, которые, так же как и наука, пытаются обойтись без метафизики. Одним из таких вопросов является соотношение опыта и воображения;

4) осознанием того факта, что на место сознания встал язык. Это главное событие в философии XXI века. Поэтому решающее значение в современной философии приобретает разработка таких способов мышления, которые позволяют отличить сознание от интеллекта, мыслящее – от разумного;

5) обнаружением пределов понятийного сознания и разработкой теории клипового сознания. Поскольку теперь думать – значит быстро думать, постольку обнаружению мысли начинает мешать язык. Клиповое сознание заставляет язык вступить в борьбу с самим собой, чтобы обнаружить постязыковые горизонты существования мысли;

6) поисками антропологического «бозона», который виртуальное превращает в реальное;

7) переосмыслением разумности человека и концептуальный отказ от идеи логоса в пользу идеи абсурда. Не подражать, не отражать, а воображать – вот один из принципов современной философии в России, на основании которого понимается территория человеческого. Территория человека расположена между бредом и галлюцинацией.

2.5. Человек между бредом и галлюцинациями

Несмотря на многовековую усталость, наука до сих пор не дремлет. Ученые по-прежнему бодрствуют. Они ищут и находят следы все новых форм разумных существ. На Алтае найден ни на кого не похожий Денисовский человек. В Китае обнаружены останки разумных существ неизвестного вида. В Испании в пещере Нерха открыты новые наскальные рисунки.

За всеми этими открытиями стоит один действительно интересный вопрос, что значит быть разумным. Сегодня научное сообщество готово, кажется, окончательно согласиться с тем, что неандертальцы разумны, что они являются параллельным человечеством.

Поскольку идея параллельности обратима, постольку на вполне законных основаниях можно утверждать и обратное, а именно: человечество оказалось параллельным видом обезьян. Что в свою очередь наводит на вопрос, не отличается ли человек от всех разумных существ своим неразумием, тем более что в человеке есть одна странность, которая отличает его от обезьян. Дело в том, что, как говорят ученые, реакции людей на внешние раздражители на некоторое время опаздывают по сравнению с реакциями животных. Вот эту странность я и попытаюсь разъяснить, различая реальное, воображаемое и языковое.

Молчание

Неандертальцы, как, впрочем, и кроманьонцы, – это очень умные обезьяны. Они умели делать все, что умеет делать человек. Они пользовались огнем, хоронили умерших, изготавливали ножи и украшения. Мало-помалу труд создал из них разумных существ. Эти существа были недоразвитыми только в одном отношении – они не умели рисовать, схематично обозначать самих себя наподобие того, как это сделано на изображении в пещере Ласко, в ее колодце. А следовательно, они не могли молчать, лишены одиночества и мистического самоотчуждения. Первым молчащим существом стал человек.

Молчание является поведением человека-изгоя. В нем впервые высказана претензия на обладание свободой. Молчать – значит в безумии претендовать на свободу, ибо разумных оснований для того, чтобы была свобода, нет. Когда человек молчит, он, дистанцируясь по отношению к наличному, открывает в себе свою самость. Когда человек говорит, он, наоборот, дистанцируется по отношению к самому себе и посредством языка открывает себя внешнему.

Язык – это соглядатай мира. Это дозор, высланный реальностью, для поимки беглеца. Для пленения его воображаемого. Поэтому до сих пор человек не может не бояться говорить, ибо говорить он может только о том, о чем невозможно молчать.

Взрыв галлюцинаций

Только тот, кто грезит и молчит, может заговорить. Но его речи непременно будет предшествовать взрыв сознания, подобный взрыву галлюцинаций, объективированных в образе, в письме, то есть в наскальной живописи позднего палеолита.

Не слово, а ритм, не знак, а образ создают горизонт человечески возможного в мире. Язык убивает образ, знак истребляет ритм и мелодию человека. Единственное свойство знака, оправдывающее его существование, состоит в том, чтобы не быть образом.

Воображаемое, появившееся в результате взрыва галлюцинаций, как раз и является той инстанцией, которая вынуждает человека затормозить, остановиться прежде, чем что-либо сделать. Внешней реакции человека всегда предшествует его внутренняя реакция на самого себя. А эта реакция требует времени, образуя зазор, трещину, онтологический просвет, заполняемый человеческим.

Реальное остается позади, на своем месте, как бы за спиной человека. А впереди у человека смутно просматривается только нереальное, только сновидения, хаос грез и беспокойство безместного пассажира Вселенной.

При переходе от естественного к воображаемому человек пересекает пределы реального. Он уходит от природы, но приходит к нему в общем-то некуда. Его никто не ждет. Для него еще нет ни дома, ни социума, ни культуры. В войне реального и воображаемого побеждает воображаемое, или, говоря на языке Флоренского, культ. Воображаемое работает на уровне произведения, выведения человеческого из небытия. Грезы необъяснимо приходят к человеку и необъяснимо уходят от него. Их невозможно воспроизводить, они множественны и уникальны. И человеку приходится ловить свой ритм, свою мелодию, удерживая в культе так называемое одно и то же. Это «одно и то же» Ницше именовал Первоединым, тем, без чего в пространстве разрыва между реальным и воображаемым, ничто человеческое удержать было бы невозможно.

Человек теперь уже никогда не сможет вернуться из воображаемого в реальное. Только смерть могла бы вернуть его в мир наличного и возможного, в пространство абсолютного равнодушия вещей. Но на место Первоединого встал язык, и все изменилось. Началась объективация человеческого не в образах, не на уровне произведения, а в языке, на уровне воспроизведения.

Языковой тоталитаризм

В языке реальное берет реванш над воображаемым. К реальному язык относит теперь только то, что воспроизводимо по его правилам. Не воспроизводимому в слове отказано в существовании. Язык неуклонно репрессирует воображаемое.

В свою очередь воображаемое мстит языку компрессией смыслов в первом слове человека. А поскольку первое слово не отсылает ко второму, постольку оно является антисловом, словом-жестом. Тайное желание языка состоит в том, чтобы проникнуть туда, где все случается в первый раз, туда, где он мог бы стать причиной самого себя, своим антиязыком. Язык кажется всемогущим и вездесущим. Все, что в нем от сознания, он присваивает себе и представляет от своего имени. Хотя, например, мысли, выраженные в языке, не принадлежат языку. Языку принадлежат только рефлексивные структуры, которые не имеют никакого отношения к мысли. Если мыслят, то не рефлектируют. Рефлектируя, не мыслят.

Языковой тоталитаризм заставляет человека стремиться к девербализации, к абсурду и хаосу, к избавлению от слова, которое, потеряв связь с воображаемым, стало пустым, как «я», речевым знаком. Воображаемое нуждается в образе, языковое – в знаке. Замена образа знаком стала причиной антропологической катастрофы.

Воображаемое не знает прошлого и будущего, оно знает только непрерывно длящееся настоящее. Вербальный взрыв уничтожает деление настоящего и рождает время, в котором есть прошлое и будущее, но нет настоящего. И сознание человека, встретившееся с языком, принуждено теперь смотреть из будущего на себя в прошлом. Тем самым платой за существование рефлексивных языковых структур является разрушение настоящего времени.

Двойное отрицание

Языковое не равно воображаемому. Между воображаемым и языковым идет невидимая борьба. Язык относит воображаемое к асоциальному, к неприемлемому социумом буйству субъективного. Воображаемое указывает на себя как на границу языкового. Оно отказывает языку во въездной визе в сферу уникального, субъективного. Возвращение к воображаемому может произойти лишь за счет языка.

Сознать же без языка – это значит галлюцинировать, а говорить без сознания – это значит бредить. Таковы два полюса существования человеческого. Речь является тем способом, каким человек связывает воображение и язык. В этой связи язык начинает двоиться. Вне этой связи язык мертв, а воображение хаотично. Говорить – значит, всякий раз рисковать, пытаясь придать смысл бессмысленному. Не каждый согласится прокладывать дорогу к истине, лавируя между галлюцинациями и бредом. Язык пытается свести паузу, которую создает воображаемое, к нулю, чтобы дать место реальному. Тем самым он пытается приблизить скорость реакции человека на внешние сигналы к скорости реакций животного. Языковая деятельность

играет роль инстинкта, созданного силами реального. То есть язык делает человека животным второго (социального) порядка. Ибо непосредственно мы – люди, а опосредованно – марионетки. Социальное – это нечеловеческое состояние, моделируемое знаками.

Воображая, люди становятся невротиками. И язык – это наш бдительный лекарь, смиренная рубашка для нашего воображаемого. Поэтому человеческое понимает себя в качестве двойного отрицания: с одной стороны, природного, с другой – социального.

Социальное

Социальное – это связывание множественного в человеке посредством языка. Язык – социальная сила. Обессиливание этой силы ведет к несвязанному множеству людей, к тому, что не дает ни смысла, ни идентичности существованию единичного. И хотя социальные институты, которые только и делают человека единичным, еще продолжают существовать, под ними уже слышится гул множественного, гарантирующего бессмыслицу «бытия вместе», ибо никакого бытия вместе социум уже предложить не может. Общество без сущности есть территория, некая протяженность, захват места в которой не связывает единичности, не объединяет их сущностно, а, как говорит Агамбен, рассеивает их в существовании.

Социальное отступает перед необходимостью связывания множественного через атрибут галлюцинаторного, ибо человек – это всегда грезящее множество людей.

Искусство

На уровне воображаемого человек дан себе непосредственно. На языковом уровне он отделен от себя знаками. Язык откладывает встречу человека с самим собой, а без этой встречи человек не может говорить от своего имени. Он может говорить только на языке Другого. Тем самым человек оказывается в ловушке: с одной стороны, его осаждает реальное, а с другой – языковое, то есть социальное. Между ними находится человеческое, то есть воображаемое. Возникает вопрос, может ли человек вернуться в непосредственность своего до-языкового бытия или не может.

Существование в языке оформляет устойчивое желание человека вернуться к до-языковой непосредственности бытия, к воображаемому. Искусство – это и есть непрерывно возобновляемое возвращение в до-языковое, но человеческое состояние. В искусстве человек свободен от языка. Но освободится ли он когда-нибудь от Ренессанса и Нового времени?

2.6. Критика теории перманентного Ренессанса

19 апреля 2013 года в Петербурге в рамках «Недели Германии в России» выступил с докладом известный философ Германии профессор П. Слотердайк. Его доклад назывался «О счастье и несчастье в век перманентного Ренессанса». Что же мне понравилось и что не понравилось в докладе Слотердайка и почему?

Креативное мышление

Прослушав доклад Слотердайка, я понял, что Слотердайк – это не Хабермас. Хабермас склонен к понятийному мышлению, а Слотердайк – к клиповому. Что характерно для понятийного мышления? То, что оно, обнаружив в себе логические пустоты, старается их скрыть, замазать, заполняя квазипонятийными языковыми структурами.

Клиповое мышление креативно, а креативное мышление не может быть системным. Это, скорее, лоскутное мышление, фрагментарное. Чем больше в нем пустот, тем больше в нем степеней свободы, подвижности. Ему нужны не логические переходы от одного фрагмента мысли к другому, а неожиданное «вдруг», игра метафор. Слотердайк, как сплавщик леса, прыгает с одного фрагмента мысли на другой, переводя их в движение, направляя поток к своей цели. Для Слотердайка важна не истина, для него важно исследовать пределы своей возможности мыслить иначе.

Рождение мира из духа чумы

В настоящее время существуют два подхода к решению глобальных проблем цивилизации. Один из них известен в виде «Докладов римскому клубу», другой именуется как «Русский космизм». В первом случае речь идет о нулевом росте цивилизации и перестройке субъективности. В другом людям предлагают переселиться в космос, ибо земля – это колыбель, но, по словам Циолковского, нельзя вечно жить в колыбели.

И в том и в другом случае никому не приходило в голову искать код решения современных проблем цивилизации в XIV веке, а Слотердайк его ищет и находит в том, что, на первый взгляд, может показаться пустой болтовней.

Чем славен XIV век в Европе? Жорж Дюби в книге «Время соборов» пишет, что в это время в Европе кругом царил почти полное безлюдье. Европа по сравнению с Византией была бедна и провинциальна. Это был дикий мир. В XIV веке по Европе пронеслась чума. Жить в ней стало невозможно. Этим и славится XIV век в Европе.

Правда, и XI век Европы мало чем отличается от XIV. В нем, по свидетельству хронистов, люди набрасывались друг на друга, многие убивали себе подобных и словно волки утоляли голод человеческим мясом. Нужда крепко держала человека в своих ежовых рукавицах.

Однако Слотердайк обращает внимание на то, что в XIV веке появился Боккаччо с «Декамероном». На его взгляд, «Декамерон» – это не пустая болтовня, это событие, которое носит судьбоносный для Европы характер, а следовательно, и для всего человечества, так как в нем генерируется жизнеутверждающий взгляд на мир, раскрывшийся позднее в протестантизме, в эпохе Просвещения и в технических достижениях цивилизации. Поэтому-то Слотердайк и попытался раскрыть окружающий мир из духа эпидемии. В русской культуре его идея формулируется так: не было бы счастья, да несчастье помогло.

Замечу, что Слотердайк в некотором смысле прав в том, что философия – это вообще странная наука, ибо она наука об изнанке мира, о том, понимание чего требует метанойи, перестройки ума, иной фокусировки взгляда. Вот такой перестройкой взгляда и занят был Боккаччо. Что мы знаем о новеллах Боккаччо? То, что это очень фривольные рассказы. Профессор Слотердайк же смотрит на «Декамерона» иначе.

Пример. Что мы делаем, когда ребенок плачет? Мы ему говорим: смотри, птичка пролетела. Ребенок смотрит и перестает плакать. А что делает Боккаччо во время чумы? Да то же

самое. Он своими рассказами переводит читателя из одного состояния в другое. Он поднимает настроение. Вокруг свирепствует чума, лежат трупы, а Боккаччо фиксирует взгляд читателя на ином предмете, он говорит: прохожий, живи, не унывай. Жизнь непрерывна, и в мире все еще только начинается. Вот эту философию утешения и надежды и находит Слотердаик в «Декамероне» Боккаччо, в котором согласно Слотердаику берут начало теплые воды ренессансного Гольфстрима и с тех пор омывают берега Европы. В результате над Европой воссияло солнечное утро, а чтобы это утро всегда оставалось солнечным, Слотердаик придумал теорию перманентного Ренессанса.

Ренессанс для неевропейцев

Суть этой теории проста: он полагает, что за одним утром обязательно последует другое солнечное утро, за одним открытием будет другое открытие, и так будет всегда. Только роль Боккаччо теперь выполняют средства массовой информации.

Но здесь напрашивается вопрос, а на чем основана такая уверенность. Слотердаик, видимо, не знает истории одной несчастной курицы, которая думала, что живет в лучшем из возможных миров. Два раза в день, утром и вечером, во дворе появлялся хозяин и насыпал ей зерно. И вот однажды он появился, но в руке его было не лукошко с просом, а топор, и вечная тьма накрыла Галилею курицы.

Я хочу спросить Слотердаика, не боится ли он этой тьмы, не накроет ли она однажды Европу? Не появится ли злокозненный гений из невидимой стороны мира, и не окажется ли так, что то, что было для Европы счастьем, станет ее несчастьем? Если же Слотердаик ничего не боится, то почему он тогда ничего не говорит о том, что теплые воды европейской культуры сегодня обогревают не тех, кто имеет отношение к ее истокам, но тех, кто не имеет никакого отношения к ренессансному духу Боккаччо.

Возникновение гуманистической перспективы

Слотердаик говорит, что Бог убил в XIV веке половину населения Европы, и народ за это восстал на Бога. Но ведь Слотердаик знает, что чума – это не Бог. Это проблема гигиены, санитарных служб и торговли. Разве Фома Аквинский был не прав, когда писал: мы должны молиться, как если бы все зависело от Бога, и одновременно мы должны действовать так, как если бы все зависело от нас. На мой взгляд, именно здесь, в этой двусмысленности, а не у Боккаччо, состоялся судьбоносный разрыв европейской культуры, внутри которого возникла перспектива гуманистического взгляда, то есть взгляда, не искривленного присутствием Бога.

Пустой дом

Единственным неевропейцем, противоречащим ренессансному духу Европы, Слотердаик почему-то называет Иисуса Христа. Слотердаик по не понятным для меня причинам хочет, чтобы европейский человек только работал и не молился и читал в газетах жизнеутверждающие рассказы. Почему так, хочу я спросить Слотердаика? Ведь если человек перестанет страдать и молиться, то его трудно будет отличить от робота. И его забота о себе займет место заботы Бога о человеке. Но нет зрелища более отвратительного, чем заботящийся о себе человек. Иными словами, если Европа откажется от христианства, то она станет пустым домом, и ее пустоту смогут заполнить новые народы, у которых есть боги, которые о них заботятся.

Перманентный Ренессанс – это не саботаж против уныния, как думает Слотердаик. Это саботаж против Бога, против трансцендентного. В чем заключается этот саботаж? На этот вопрос ответ дает живопись Ренессанса: в фигуре человека, равномошного Богу. Равно как и Просвещение – это, на мой взгляд, не саботаж против судьбы, а заключение Бога под стражу знания. В XVIII веке его поместили в пространство, которое Эпикур называл Интермундией и в котором он был обречен на бездействие. А бездействие – это умирание Бога.

Человек как бесполезная страсть стать богом

На мой взгляд, Слотердаик хочет самого европейского человека сделать Богом. Но зачем? Что он может сделать в дни второго творения, когда все уже сделано? Слотердаик говорит,

что он будет обновлять природу. Но разве побочные продукты этого обновления не страшнее чумы? Ведь на что они указывают? На бытие, которое сопротивляется действию и дает о себе знать в виде непредсказуемых результатов, показывая, что человек – это бесполезная страсть стать Богом.

Богу для творения требовалась не логика, не рассудительность, а то, что в русской философии называют Софией. Если человеку нужен логос, то Богу – София. Логос – для жизни, София – для творения. Что потребуется человеку, для того чтобы быть Богом? Интернет? Слотердаик об этом ничего не сказал, а это интересно.

Троица

Слотердаик предлагает перестроить христианскую Троицу, сделать так, чтобы человек смотрел на Бога-Отца, а не на Бога-Сына, ибо первый – мастер творения, а второй – мастер страдания. Человеку надо учиться творить, а не учиться страдать.

Но Слотердаик ничего не сказал о том пределе, на котором заканчивается животное и начинается человеческое. Хотя сегодня уже для многих стало очевидным, что человек – это его греза, что интеллект не имеет никакого отношения к сознанию, ибо он требует вычисления, а не самовоздействия. Человеческое в человеке начинается в момент страдания и самоограничения, дух которого передает Евангелие.

Дословное новеллы

Слотердаик второй день нового творения отдает новелле, жизнерадостной информации, сообщению. Конечно, говорить – значит, демонстрировать свою социальность, но в основе любой коммуникации лежит не смысл, а ложь. Событие может лишить любой смысл осмысленности, если ему (смыслу) не предшествовала работа по преодолению бессмысленности. А это значит, что язык самой новеллы, язык того, что Слотердаик называет микроевангелиями, рождается не из слова, а из дословного.

Фортуна на месте Духа

Рассказ Слотердайка о случайности и фортуне интересен тем, что на место Духа он ставит фортуна. Из доклада Слотердайка мы узнали, что в соответствии с Третьим Заветом дух будет дышать там, где сможет, а не там, где он захочет. Для того чтобы он смог дышать, нужно, чтобы случайное случилось, хотя оно может и не случиться. Но ведь все, что случается, имеет причины, исследует которые наука. Означает ли это, что наука не дает возможности духу дышать?

Без прошлого и будущего

Для того чтобы случился перманентный Ренессанс, нужно придумать такое время, в котором настоящему не предшествует прошлое, и будущее не подстерегает настоящее. Профессору Слотердайку волей-неволей придется отказаться и от случайности прошлого, и от случайности будущего. Почему? Потому что мастерская по улучшению настроения, созданная в Европе, не нуждается в случайности как в форме проявления необходимости. Она нуждается в сознании, которое поет самому себе очаровывающие песни.

В терминах перманентного Ренессанса Слотердайка невозможно понять, как из новелл Боккаччо сложилось современное европейское неприятие необходимости называть вещи своими именами, как искреннее сознание человека Возрождения стало в Европе толерантным и политически корректным.

Зачем нам непрерывный Ренессанс, если в нем новое сменяется новым так быстро, что никто не может извлечь смысл из происходящего. Мне не нравится такой Ренессанс. Есть в нем что-то от перманентной революции Трощаго.

Резюме

Доклад профессора Слотердайка я понял как высказывание о Европе и одновременно как высказывание о современном мире, изменяя который сама Европа изменилась до неузна-

ваемости, и сегодня она ищет себя и свое место в мире и, как мне показалось из доклада Слотердайка, никак не может найти.

Нам, русским, Европа нравится, но взгляд на Европу из России не может не отличаться от того способа, которым сами европейцы смотрят на себя. В Европе считают, что Гольфстрим религиозной иллюзии иссяк и земля стала мячом, который, как говорит Слотердаик, играет игроками.

Я думаю, что земля скоро может стать сферой, центр, который будет нигде, а поверхность везде, а это означает только одно: все мы вновь как бы оказались в начале христианской эры, и христианство снова должно метафизически завоевать мир. Либо он будет нами завоеван, либо мы его потеряем. Этот тезис похож на сказку, но это не сказка.

2.7. Умострой сказки

Сказки появились давно, как только люди стали осознавать для себя важность священных предметов. Сначала их на Руси именовали «кошуна», затем баснями, потом выдумками. Раньше их слушали, теперь их смотрят.

Чем больше происходит десакрализация современной культуры, тем меньше мы нуждаемся в своем уже-сознании. Тем чаще мы совершаем немотивированные поступки и почти совсем не задумываемся над тем, что мы делаем. Сказка – это наше уже-сознание, благодаря которому мы можем узнавать событие еще до встречи с ним. Она напоминает нам об абсурде как способе существования сакральных предметов. О том, что они есть и чудесным образом сказываются на нашей жизни.

Сказка мудра и нетороплива. Она обращена не к логосу, а к софийному парадоксу, к мудрости. Сказка не отражает мир, она его создает, пример тому – сказка о Снегурочке.

Снегурочка

Это сказка о крестьянине Иване и его жене Марье. О том, как хорошо они жили, ладно. Жили они, жили, да и не заметили, как состарились, а детей у них не было. Вот и решили они под Новый год слепить дочь из снега. И слепили, а она ожила. Иван с Марьей, конечно, обрадовались, но потом пришло лето, и Снегурочка растаяла.

О чем эта сказка? О том, что есть вещи, которые существуют, если мы очень хотим, чтобы они были. О призрачности наших надежд, о самообмане и реальности, которая раскрывает обман.

Сказки существуют не столько для детей, сколько для взрослых. «Золотой петушок» – одна из таких сказок.

Золотой петушок

Написал эту сказку Пушкин. Это его последняя сказка. О чем она? О власти и о смерти, которая сопряжена с властью.

Жил-был царь Дадон. Жизнь у него была бурной, насыщенной, но к старости ему захотелось пожить спокойно, без суеты. Ему бы передать царские дела одному из своих сыновей, а он этого не сделал. Он стал искать обходные пути, чтобы и царем быть, и особенно не утруждаться, и нашел. Скопец-звездочет подарил ему Золотого петушка, с тем чтобы тот кукарекал в минуты опасности. Но подарил с условием выполнить его желание, а какое, не сказал.

И вот опасность настала, Петушок закукарекал. Царь снарядил в поход одного своего сына. Прошло время. Но никаких известий от него царь не получил. Тогда он отправил в поход второго сына, но и этот сын пропал. В конце концов, сам царь пошел в поход. Что он увидел? А увидел он свое побитое войско и сыновей, пронзивших мечами друг друга. Виной же тому была шамаханская царица. Перед этой царицей не устоял и царь. Забыв про сыновей, повез он эту царицу к себе домой, а по пути встретил скопца-звездочета, который ему сказал: «Царь-батюшка, выполни обещание, отдай мне царицу». Вспылил царь, услышав это, и ударил жезлом звездочета насмерть. Да Петушок не дремал, слетел он со своего места и клюнул царя в висок. И тот душу Богу отдал.

В чем смысл этой сказки? В том, что шамаханская царица – это не просто прекрасная женщина, это женский образ вечно юного очарования власти, персонификация скрытого желания человека повелевать. Ослепленные властью, которая никогда не боится греха, погибли царь Дадон, оба его сына и скопец-звездочет. Трупы есть, а где шамаханская царица? Ее нет. Она исчезла, растворилась, как дым. Ведь это видение, фантазм. Что стало с царством, неясно. Пушкин об этом ничего не сказал.

Сказка не любит умных людей. Ее герой – Иванушка-дурачок.

Иванушка-дурачок

У старика и старухи было три сына. Двое умных, третий – Иванушка-дурачок. Умные овец в поле пасли, а дурак ничего не делал. Лежал на печи и мух давил. Марксисты говорят, что Иван потому дурак, что у него незавидное имущественное положение. Он третий по счету среди братьев, а третьему наследство не полагается. Но сказка ценит умных братьев-наследников иначе, чем Иванушку-дурачка. Кому она дает слово? Не умным братьям, а дураку. Почему? Потому что говорить – значит соединять воображаемое и язык. Речь Ивана не проста. Это речь с неопределенными значениями. В ней смыслы бегают за словами и не могут их никак догнать.

Иванушка-дурачок все делает как бы во сне, по наитию. Однажды отправили его братья в город за покупками. Он купил, что нужно, и поехал домой. По дороге видит, обгорелые пни стоят. Эх, думает, ребята-то без шапок. Озябнут сердечные. Взял да горшки на них одел.

В нем нет ничего лишнего. Иванушка-дурачок ничего не делает. Поэтому он не делает и ошибок. Это человек, у которого нет ни переднего плана ума, ни заднего. Он думает вслух. У него выражаемое не отличается от выраженного. К примеру, везет он домой покупки, целой воз. А лошадь плохая, еле ноги передвигает. А что, думает Иван, у лошади четыре ноги и у стола четыре. Так что стол сам как-нибудь до дома добежит. Снял его с телеги и оставил на дороге.

Иванушка-дурачок пребывает в состоянии еще-не-ума, то есть до ума ему остается еще совсем немного, чуть-чуть, одно слово, но он все-таки не дотянул до него. И все же кто умнее многого? Иванушка-дурачок. Есть в нем что-то первобытное. Какая-то повседневная бесхитрость. Но бесхитростный Иванушка хитрее хитрого в своей наивности.

В естественной обстановке Иванушка не просто дурак, а дурак набитый. Его бьют, чтобы он под ногами не путался. Силой нормального хода вещей он выставляется на всеобщее обозрение как предмет посмешища. Всякий может над ним пошутить, показать над ним свое превосходство. Почему? Потому что есть вещи, которые ты не можешь не знать, а Иванушку это правило не касается.

Кто может быка продать березе? Дурак. Был у Иванушки один бычок, да продал он его березе и деньги с нее спросил. Быка воры украли. Дурак в наказание березу срубил. В березе – дупло, а в дупле – клад, зарытый разбойниками. И вот Иванушка-дурачок при деньгах, да дураку деньги достались.

Там, где достаточно здравого смысла, простого рассудка, там Иванушка только жить мешает. Несуразность его речей раздражает, неадекватность действий возмущает. И хотя Иванушка-дурачок – существо жалкое, иногда грязное и сопливое, многое ему прощают.

Но если мир сошел с ума, если в нем смешалось то, что было, с тем, что не было, вот тогда-то Иванушка-дурачок и попадает в свою стихию. Когда это происходит? Когда нужно сходить на тот свет к покойнику, спросить его, где деньги лежат, а затем вернуться в этот мир, взять их и бездарно спустить на ветер. Он силой абсурда достигает результата, который вряд ли достигим для нормального человека.

Только Иванушка-дурачок может пойти туда, сам не зная, куда, и принести то, сам не зная что. И будет вести его не здравый смысл, не категории рассудка, а вещая старуха. И дело не в том, что Иванушка живет не своим умом, хотя он и живет не своим умом, а в том, что он и чужим умом не умеет жить. Вещая старуха – это сверхумный ум, который лично никому принадлежать не может. В лице Иванушки-дурачка мудрость торжествует над умом.

Ложь с намеком

По словам Пушкина, сказка – это неправда, ложь. Но ложь не простая, а с намеком. На что сказка намекает? На правду. То, чего нет, намекает на то, что есть. Ведь то, что есть на самом деле, лучше никому не знать. Если кто-нибудь все же попытается и начнет узнавать, то непременно с ума сойдет, или повесится, или у него изба сгорит, или корова сдохнет, или еще какое-нибудь несчастье приключится.

О чем говорит сказка? О том, что знание истины опасно для человека. С этим знанием невозможно жить. Поэтому правда – для Бога, сказка – для человека. И хотя правда на всех углах сама себя нам показывает, мы, однако, смотрим на нее, но как бы не видим. Ибо только человек видит не то, что есть, а то, что он хочет, чтобы было. Мы видим объекты своих желаний, своих грез. Поэтому сказка – это не набор знаков. Это ложь с намеком, то есть иносказание.

Иносказание

Чем хороша сказка? Иносказанием. Чем плоха наша повседневная речь? Тем, что в ней таится возможность прямого высказывания, сущностный взгляд на мир.

Сказка говорит: «жили-были дед да баба, и была у них курочка ряба». На что намекает сказка? На то, что у каждого из нас что-нибудь да есть, какая-нибудь ерунда да имеется. Даже у тех, у кого ничего нет.

А что говорит нам наш язык, неизгладимую печать на котором оставила наука? Он говорит, что жили дед с бабкой плохо, бедно, как русские пенсионеры. Ничего у них не было кроме курицы. Как они выживали, одному Богу известно.

Наш язык абстрактный. Он исподволь подталкивает нас к подмене экзистенциальных проблем социальными. Он заставляет нас «курочку рябу» заменить словом «бедность». Но бедность яиц не несет, это уже не антропологическая проблема, а социальная. Бедность – для политиков, которые должны ответить на вопрос, почему дед с бабкой жили-жили, работали-работали, а ничего себе не заработали. Ведь все мы понимаем, что если есть бедные, то должны быть и богатые. И богатые должны поделиться с бедными, ибо богатство одних – это, как говорил Маркс, объективируемое страдание других.

В отличие от нашего языка сказка конкретна. Она сообщает о деде и бабке, не обобщая. Она говорит о том, что у них есть курочка ряба, намекая на то, что у них нет главного. У деда с бабкой нет внуков, которые могли бы о них позаботиться. Поэтому курица – это вся их надежда. Их последняя в жизни опора. Убери ее, и все рухнет. Снесет курица яйцо, они его съедят. Тем и живут. Живут и грезят.

Грезы

О чем мечтают дед с бабкой? О том, как однажды курочка ряба снесет им не простое яйцо, а золотое. Вот тогда-то, казалось бы, они и заживут богато. И однажды сбылась мечта. Курица ни с того ни с сего, неожиданно, вдруг снесла им золотое яйцо. Произошло чудо.

Любая сказка полна чудес. Сказка почему-то любит это немотивированное «вдруг». Ей нравится прерыв непрерывности. Она как бы разгоняет поток смыслов, а потом резко его останавливает. В момент остановки у слушателя язык отделяется от сознания, которое как бы нехотя выползает из-под языка, чтобы предстать перед нами в первоначальном виде как нечто абсолютно произвольное. Становится понятно, что эту произвольность скрывал язык, и мы шли туда, куда он нас вел. А сказка освобождает нашу спонтанность, и у нас появляется новая чувствительность, органом существования которой является воображение. Благодаря сказке мы узнаем, что не все в нашей жизни зависит от языка, но кое-что зависит еще и от сознания. Не все в нас от социума. Есть и то, чем мы обязаны самим себе.

Если бы дед с бабкой схватили яйцо и понеслись бы с ним в обменный пункт или выставили бы его на аукцион, то никакой произвольности, а значит и сознания в их действиях не было бы. Но они вдруг стали его разбивать. Зачем? Ведь оно не разбивается, оно же золотое. Не для того же они его разбивали, чтобы сделать себе яичницу. А для чего? Неужели для того, чтобы посмотреть, что там у него внутри, какая тайна у него там хранится? Возможно, что это и так. Но нет такого языка, на котором эта тайна нам была бы дана. Из неязыковых глубин сознания поднимается это желание разбить яйцо. Били-били его дед с бабкой, но так и не разбили. И тайна осталась в ее потаенности.

Мышка с хвостиком

Есть грезы, и еще есть реальность, о которую разбиваются эти грезы. Что такое реальность? Сказка на этот вопрос отвечает так: мышка с хвостиком. Махнула она хвостиком, и разбилось яйцо. А куда делось золотое яйцо, никто не знает. И утешились дед с бабкой простым яйцом, которое снесла им сердобольная курочка ряба.

В сказке значения слов подвижны. В ней смыслы плавают, меняют формы. За пределами сказки доминирует язык готовых значений. В нем слова теряют семему, а значит, в них нет места для нашего доопределения мира.

Человек – существо не прямых высказываний. Поэтому он может прожить и без прямого усмотрения истины. Но ему не обойтись без сказки, без мифа. Если наука стремится расколдовать мир, заставляя нас смотреть на него, а видеть его сущность, то сказка предостерегает от одномерного взгляда на реальность. Она колдует и завораживает непредсказуемостью своих поворотов. Сказка – это сад расходящихся тропинок, в котором легко запутается любое говорящее «я».

Говорящее «я»

Сам по себе мир, конечно, пуст. В нем нет заранее данных для человека знаков и ориентиров. Человек может ориентироваться только в поле образа. Но этот образ еще надо создать. Пока его нет, человек – сущий ребенок, то есть аутист или, что то же самое, грезящая самость. Ребенок может повзрослеть. Если он не повзрослеет, то будет инфантильным. Взрослый – это уже говорящее «я», в котором мало что напоминает о грезящей самости. Эта самость так далеко отстоит от речи, что слова, как правило, гаснут, не долетая до нее. Слова предназначены для «я», пустоту которого они заполняют и не могут заполнить. Сказка напоминает нам о том, что слова застревают на уровне «я», не проникая туда, где «я» еще не встало на место «оно».

К грезящей самости человека сказка проникает силой абсурда. Облагораживающее воздействие сказки связано с тремя вещами: с иносказанием, с парадоксом и с действием «вдруг». Иносказание сводит к минимуму роль знака, превращая слово в символ. Парадокс тормозит линейное развертывание языка. Действие «вдруг» заставляет враждовать событие и смысл, открывая ту область человеческой души, где царствуют предчувствия, где нет пустого слова языка, обозначающего себя как «я». Сказка стремится к сокровенному.

Сокровенное

Почему сказки читают на ночь? Потому что ночь – время сокровенного, это время нервного срыва, перехода через ультрапарадоксальную ситуацию смены бодрствования сном. Сказка – это калитка, ведущая туда, где ничто не мешает произволу субъективирующего мышления. При помощи сказки совершается переход от вечно бодрствующего «я», от языковых форм сознания к сознанию, адекватной формой существования которого является молчание, сон и грезы. Сказки надо слушать не между делом, не на ходу, а в полумраке, при свечах, расслабленным, усыпляя чувство своего «я». Сказки не надо смотреть, потому что тот, кто научился слушать, может услышать и голос сокровенного. Сокровенное предназначено для ушей, а не для глаз. Поэтому смотреть мультики вредно. Тот, кто привык их смотреть, не научится думать, ибо слух обращен к уму, а зрение застревает на объекте. Сказка нашептывает нам слова: кто смотрит, тот не услышит, кто слушает, тот и увидит.

Зачем нужны сказки?

Сказка – это Библия для детей. А Библию мы понимаем раньше, чем любую философию. И не потому, что Библия проще философии. Наоборот, любая философия беднее Библии. Все дело в том, что Библия представлена как сказание, в форме образа, а философия чересчур абстрактна, в ней мало повествования, поэтому всем нам нужно читать сказки, ибо сказки – для души. В сказках образ всегда опережает слово. Люди, как дети. Им всегда будут нужны сказки и куклы.

2.8. Человек и кукла

Современный человек, обремененный фактом существования науки, не находит принципиальных различий между человеком и животным. Он не видит их ни в языке, ни в сознании, ни в игре. «Игра старше культуры», – говорит Хейзинга. «Человеческой исключительности пришел конец», – утверждает Жан-Мари Шеффер. «Человек – это складка материи», – констатирует Делез. И с ними можно было бы согласиться, если бы не одно обстоятельство. Если бы человек перестал играть с куклами. Не орудие труда, а кукла является онтологически первой, то есть тем, что указывает на присутствие в мире человека. Пока дети играют с куклой, складку материи нельзя разгладить и человека нельзя свести к простой протяженности. Вот на эту невозможность и указывает феномен куклы.

Кукла

Что такое кукла? «Киклос» у греков означает круг. Кукла – это нечто круглое, свернутое, то, что можно запеленать и свернуть. Латинское *suculle* означает капюшон. То, что скрывает, переодевает и не позволяет по внешнему судить о внутреннем.

Для русских кукла – это то, во что играют дети. По словам Выготского, кукла – это предмет, в котором закодированы определенные способы действия человека. Но это определение мало что говорит о кукле, ибо определенные способы действия человека закодированы и в консервной банке, отчего она не перестает быть банкой и не приобретает свойства куклы.

В кукле миру реального являет себя нереальное, воображаемое. Кукла – проводник в мир грез. В ней актуализируется всякий раз заново некое воображаемое. Кукла – это место пребывания человека в мире сновидного, не различенностью яви и грез.

Второй план

Воображаемое разрывает связь действия и мышления. Мыслить – не значит действовать, а действовать – не значит мыслить. Равно как говорить – не значит воображать, а воображать – не значит говорить. Что отличает человека от животного? Второй план сознания. Что образует второй план? Кукла. Игра с куклой отличает человека и от робота. Человек – не интеллектуальная машина. В кукле мы имеем дело с образом, вынесенным за пределы мозговых структур человека. У машины нет такого образа. А значит, у нее нет и сознания.

Человек делает куклу в той мере, в какой кукла делает человека. Поэтому неверно думать, что человек старше куклы, у них один и тот же возраст. Не может быть так, чтобы человек был, а куклы, то есть ее опредмеченного образа, не было. Самая древняя кукла была найдена на раскопках в Брно, в Чехии. Ее создали примерно 35 тысяч лет до н. э. Следовательно, этим временем можно датировать и появление человека. Не раньше и не позже.

Игра

Игра вопреки Хейзингу не старше культуры, ибо игра – это перевоплощение, переодевание, связанное с переносом смысла, его освобождением от телесной детерминации. Кошка с мышкой не играет, но доминирует. То, что Хейзинг называет игрой, игрой не является, ибо принадлежит естеству, самой природе как ее признак, а не знак. В природе игра происходит без перевоплощения, без куклы. Мышка – это не свое иное кошки. В культуре игра связана с перекодировкой плоти, со сменой знака телесности. Между первым и вторым, между природой и культурой стоит третье, нечто неприродное и некультурное. Это третье – культ, мистерия, то есть чистое перевоплощение, то, в чем нет никакой игры. Культ – это перевоплощение без игры. Имея в виду этот факт, можно с уверенностью сказать, что культ старше культуры. Если бы не было мистерии перевоплощения, то человек оказался бы простой складкой материи и его нельзя было бы отличить ни от робота, ни от животного. Складка повторяет одно и то же, образуя пустое, как у бочки, внутреннее. Кукла не повторяет одно и то же, а прибавляет к тому,

что есть, то, чего нет, но что может быть, если мы захотим, чтобы оно было. Куклы делают людей романтиками.

2.9. О романтизме в XXI веке

Романтизм – это «Гимны к ночи» Новалиса, потрясенного смертью любимой девушки. Все случайно, хотя для всего есть причина. Все в мире тленно, только сон длится вечно. В ночи затерянный человек не может однажды не спросить себя: неужели наступающее утро неотвратимо? Неужели вечен гнет земного?

Человек – это не кукла с электронными мозгами, которую боги дергают за ниточки. Человек сам должен построить модель своего поведения. Если цели его действий согласуются со средствами достижения этих целей, то человека можно назвать прагматиком, рационалистом. Если же оправдание цели находится в самой цели, то человек этот предстает перед нами как романтик, как тот, кто может спуститься в бездну мира, переживая присутствие непознанного, таинственного, невозможного. Первым философским романтиком был, как ни странно, Платон.

Неистовые

Вот, говорит Платон, перед человеком стоит выбор: кому стоит отдать предпочтение – влюбленному в него или невлюбленному? Невлюбленный рассудителен, трезв. Влюбленный же безумствует, впадая в неистовства.

Согласно Платону, неистовства предпочтительнее рассудительности. Неистовства – от Бога, рассудительность – свойство человеческого. У Платона романтический взгляд на человека, ибо Платон полагает, что каждый человек должен петь для самого себя очаровывающие его песни. Нельзя, чтобы человека очаровывало наличное бытие, полезные вещи, ибо вещи – всего лишь тени идей. Человек может существовать до тех пор, пока он будет петь себе такие песни, ибо этим пением создается мир, в котором человек может жить как человек, то есть создается мир, который человек понимает.

Романтизм как эстетика определенного мироощущения возникает в Германии в начале XIX века. Примером этого мироощущения является образ «человека-ночи» Гегеля.

Человек-ночь

При подготовке лекций 1805–1806 гг. Гегель писал: «Человек есть эта ночь, это пустое Ничто, которое целиком содержится в своей нераздельной-простоте (einfachheit): богатство бесконечного множества представлений, образов, ни один из которых не ведет прямо к духу, образов, которые существуют лишь в данный момент (gegenwartig). Здесь существует именно ночь, внутреннее-или-интимное (Innere) Природы: – чистое личное-Я. Оно распространяет ночь повсюду, наполняя ее своими фантазмагорическими образами: здесь вдруг возникает окровавленная голова, там – другое видение (gestalt); потом эти призраки также внезапно исчезают».

Почему человек есть ночь, а не день? Почему романтики характеризуют человека как нечто темное, сумеречное? Потому что ночь – это царство образов, а образы – это не вещи, не предметы. У них нет четких границ, нет локализации в пространстве. У них есть только локализация в восприятии. Образы отсылают не к внешней реальности, а к грезам человека. Пробуждение же от грез обычно связывают с языком, с сознанием. Воображение извлекает предмет всегда вместе с его окружением. Рассудок как бы вырезает предмет из пространства, изолирует его от окружения. Грезящий человек не может отличить себя от бодрствующего. Бодрствующий же отличает себя от грезящего, потому что у него есть понятие об истине.

День и ночь

Днем всем нам нужно говорить на языке истины, ночью можно грезить. День – это всегда какая-то чуждость, какая-то определенность. Днем вещи выходят на первый план. Ночью на первый план выходит наша самость, стирающая границы между вещами. Ночь пуста, неопределенна. Вот эту пустоту ночи и заполняют наши образы и мечты. Но эти образы в отличие

от вещей существуют лишь в данный момент, который в свою очередь неуклонно стремится к нулю. И поэтому человеческие фантазии быстро исчезают, лопааясь как пузыри. В каждый следующий момент они перестают быть.

Человек – это ночь природы. Почему? Потому что человек – это отрицание природы, ибо его сущность, существующая как наличное бытие, скрыта во мраке знания. Более того, человек есть отрицание самого себя. Он есть то, что он никогда не есть. И эту ночь наше Я распространяет повсюду. «Именно эту ночь, – пишет Гегель, – можно увидеть, если заглянуть человеку в глаза (тогда взгляд погружается) в ночь, она становится ужасной (*furchtbar*) (тогда) перед нами предстает... ночь мира».

С эстетической точки зрения романтизм закончился в первой половине XX века. Первым в философии это почувствовал Хайдеггер в работе «Петь – для чего?»

Зияние Бога

«Петь – для чего?» – поставил вопрос Хайдеггер, комментируя элегию «Хлеб и вино» Гельдерлина. Ведь если богов нет, а Христос умер, то это значит, что день человека закончился. Люди стали реалистами и перестали петь себе метафизические песни. Вечер мира склонился к ночи. «Ночь мира, – говорит Хайдеггер, – ширит свой мрак». Это время мира определено неприходом, зиянием бога.

Что означает зияние бога? То, что не бог собирает вокруг себя людей и вещи, а обстоятельства. Не он ладит мировую историю, а случай. Сияние божественного угасло в мировой истории. «Ночное время – скудное время... Оно, – продолжает рассуждать Хайдеггер, – уже столь скудно, что больше не в состоянии заметить зияние бога как зияние».

Вместе с этим зиянием из мира исчезает и дно, на котором он стоит. Времени мира, у которого нет дна, ничего не остается, как висеть над бездной. Во времена мировой ночи нужно испытать и выдержать бездонность мира, но для этого необходимо, чтобы были такие люди, которые бы спустились в бездну. Нужны романтики.

Зияние человека

Романтики – для чего? Конечно, не для того, чтобы исправлять ошибки в работе социального. Чем лучше становится социум, тем хуже становится человек. Чем меньше в нем самоаффектации, тем больше он уподобляет себя разумной машине. Романтики для того, чтобы петь свои аутистические песни, чтобы этим пением в мире длилось человеческое.

Зияние человеческого в человеке определяется сегодня как перспектива трансгуманизма, как неуклонное приближение эпохи постчеловека. Эту эпоху приближает, например, философское убеждение в том, что мысль может мыслиться вне связи с человеком. Сама по себе. Под знаком этой мысли создается искусственный интеллект, машины мысли. Рассматривая язык вне связи с тем, что говорит человек, мы создаем языковые машины, которые не пересекаются с сознанием. Мы пытаемся конструировать образы вне зависимости от того факта, что воображает только одно существо в мире, называемое человеком. Мы хотим найти алгоритм творчества и заставить творить машины, полагая, что творит мозг, а не человек.

Территория человеческого

Человек – не робот. Его нельзя заменить говорящим компьютером. В каждом из нас еще живо то, что объединяет нас с художниками палеолита. Нас объединяет с ними не ум, ибо ум объединяет нас с машинами, тогда же как человек изначально рождается художником-безумцем. Нас объединяет с ними не язык, ибо в палеолите у них еще не было языка. Нас объединяет с ними не интеллект, ибо интеллект объединяет нас с роботами. Нас объединяет с ними не культура, ибо культура есть и у животных. Нас объединяют продолжающиеся взрываться галлюцинации. Нас объединяют с ними эмоции, то есть открывшаяся в результате взрыва иллюзий возможность быть причиной реальности объектов своих видений. Мы единственные во всем мире можем воздействовать на себя при помощи образов взорвавшихся галлюцинаций, ибо сознание у каждого из нас и есть не что иное, как эти образы.

Наши эмоции и наши чувства как раз и являются той последней оставшейся в нас территорией человеческого, зияние которого будет свидетельствовать о наступившей ночи мира. Этот скудный остаток человеческого существования хочет забрать у нас XXI век. Быть романтиком в XXI веке значит защищать эту территорию вопреки всему фактическому, вопреки логике, полагаясь на силу абсурда. Антропологическое проявление абсурда связано с конфликтом отцов и детей.

2.10. Отцы и дети

Проблемы поколений сегодня не существует. Проблема поколений существовала до тех пор, пока существовало традиционное общество. В этом обществе конфликтовали отцы и дети. Почему? Потому что у отцов были одни ценности, у детей – другие. Но главной ценностью в этом обществе являлся авторитет старших по отношению к младшим. Походиться на старших – значит приобщаться к мудрости, быть зрелым. Но традиционное общество рухнуло. Трудовое общество исчезло, растворилось. Труд перестал быть ценностью. Мудрость перестала быть образцом. Отцы перестали быть авторитетом для детей. В современном обществе нет проблемы поколений потому, что демократизация общества вывернула все ценности общества наизнанку. Как говорил Платон, демократическое общество является омерзительным только лишь потому, что в нем начинают доминировать молодые, и старшие начинают заискивать перед ними. В современном обществе нет старых, зрелых, есть только молодые. Все хотят быть молодыми. Мы говорим, как молодые, мы одеваемся, как молодые, мы живем, как молодые, мы думаем, как молодые. Отсюда следует, что нет проблемы поколений в культуре и в искусстве.

Молодое поколение сегодня – это такие молодые, которые давно уже состарились. А почему? А потому, что все они устремились из глубин локального к поверхности универсального. На поверхности универсального появляется много людей разумных, но не мыслящих. Современные молодые люди напоминают мне роботов. У них, например, нет такой ценности, как потребность в молчании. Многие ли хотят попасть в комнату одиночества? Многие ли хотят прийти к себе? Молчание – это то, что создает дистанцию по отношению к миру. Возращение в себе этого начала заставляет тебя не быть частью мира. Вот такой потребности не быть вещью среди других вещей сегодня у многих нет. С другой стороны, вокруг тебя все время говорят-говорят, забалтывая тебя, и тем самым лишая возможности прислушаться к себе. Я теряю право молчать. А молчание – это стояние, в котором впервые показывает себя миру свобода.

Молчать – значит протестовать. В молчании прокладывается путь твоей самости, в нем заключен путь к себе. Другого шанса найти себя нет. Чтобы прийти к себе, нужно опустошиться. Стать пустым и увидеть себя. Никто не знает, что несет в себе встреча с собой. Может быть, тебе не стоило встречаться с собой, может быть, в этой встрече рождаются ужас и немота, а не радость великая. Может быть, тебе лучше непрерывно говорить, не делая пауз и остановок. Потому что если ты остановишься, то тебе будет видна твоя бездонная пустота. Поэтому на поверхности универсального так много говорят.

Что происходит, когда искусство сводится к языку? Это значит, что искусство и речь создают дистанцию по отношению к самому себе. Это забор, который нам не перелезть. Под забор можно подкапываться. Современное искусство как раз и делает эти подкопы, являясь искусством после философии. А многие находят удовольствие в «философии после речи». Мир поверхности странен, и люди в нем странны. Я боюсь, что на смену разумному, живому существу придут разумные, но немыслящие и неживые существа. Я жду перемен. Потому что человек более не является плодотворным изобретением Бога. Он невыгоден даже государству. Ведь ему нужен отдых, его надо кормить, ему нужны иллюзии. Человеку самому по себе нечем, как говорил Кант, гордиться.

2.11. Почему я не с Кантом?

Кант – бунтарь, мятежник. Он рискнул возглавить коперниканский переворот, придумав теорию чистого продуктивного воображения *argiōi*, которую поняли всего несколько человек в мире. В каком-то смысле мы сегодня все кантианцы. Но в вопросе о мнимом праве лгать я не с Кантом. Почему?

О глумлении над правдой

Когда я читал «О мнимом праве лгать...», мне на ум приходила одна и та же мысль: я говорил себе, что наконец-то я знаю, что нужно делать, чтобы распалось общество, чтобы сгинули все цивилизации, чтобы исчезло обманувшее ожидания Бога человечество. Для это требуется только одно: не лгать, не отмалчиваться, а говорить. И говорить правду, а не нечто правдивое, ибо правдивость похожа на правду, но это не правда. Правдивость – это не что иное, как социально приемлемая ложь. Не нужно ни при каких обстоятельствах притворяться, нужно быть честным и искренним. Пусть канет в лету искусство казаться тем, что ты не есть. Пора отринуть приличия и не поддаваться очарованию того, что называется словами «так принято». Довольно наслаждаться играми своей души, укрываться шелками субъективности, хватит питаться иллюзиями и фантазмами. Не должно быть никакой пощады никому: ни себе, ни другому. Никаких обманов и уловок, никаких ссылок на хитрость разума и хитрость безумия. Хватит хитрить, ибо хитрость – это обман. Хватит вводить в заблуждение людей, сохраняя при этом выражение невинной правды, ибо она давно уже потеряла свою невинность. Любая видимость – лжива. Приверженность видимости является всего лишь извращенной формой глумления над правдой.

О разочаровании

Я читал «О мнимом праве лгать...» и восхищался Кантом, тем, как он все умно устроил². Говорит, что нельзя лгать никогда и никому во имя человечества, а по существу устроил бунт против человечества. Уверяет всех в том, что ложь подрывает право, обессиливает договоры и рушит основы социальности, хотя прекрасно знает, что без лжи общество не просуществует ни одного дня, что динамит для социума запрятан в коробке с надписью «правда».

Не успел я объявить себя кантианцем, не успел пойти по следам, оставленным кенигсбергским мыслителем, как вдруг меня озарило, что примкнуть к перевороту мне не удастся, ибо нет никакого переворота. Я обманут Кантом, который говорит «не лги» и здесь же предлагает мне цивилизованные способы обмана. Кант ведет тебя сразу в двух взаимно исключающих направлениях. Одно из них называется моральной видимостью, другое – о мнимом праве лгать из человеколюбия.

О дозволенной моральной видимости

«Чем более цивилизованны люди, тем больше они актеры»³, – говорит Кант.

Что это значит? Это значит, что всем нам нужно терять непосредственность и учиться играть, создавая нужные образы. В основе игры лежит какая-нибудь мнимость. Мнимость – это то место, где заканчивается правда и начинается правдивость, то есть ложь.

Прежде всего нам нужно научиться отвлекаться. Кант приводит пример. Допустим, пришло время и тебе нужно жениться. И вот ты нашел ее. Она богата, у нее дача на Рублевке, но у нее зуб гнилой, и дурно пахнет изо рта. Но ты не будь простофилей, провинциалом, ты будь цивилизованным человеком и не обращай внимания на этот зуб. Объясняйся ей в любви и женись, приобретай право на собственность. Ведь ты женился не на ней, а на ее богатстве⁴. При этом ты, конечно, не лжешь, ты чист как ангел, ибо ты просто умеешь отвлекаться, ты способен перехитрить свои чувственные представления.

Или вот, например, ты наглый мерзавец, но ты же не будешь ходить и всем говорить, что ты мерзавец. Ты будешь говорить: я хороший, я скромный, я добрый, я не беру взятку. И это не важно, что ты их берешь, что ты злодей. Согласно Канту, ты не лжешь. Ты просто играешь роль, ты актер. Главное для человека – не быть, а казаться. Все это Кант называет не подлостью, не обманом, а просто дозволенной моральной видимостью.

Обмен пустыми знаками

Кант не говорит, что все мы лжем, что ложь является условием того, чтобы мы могли быть вместе. Он говорит: притворяйтесь. Как будто притворяться – не значит лгать, не значит обманывать. Все, что может быть названо коммуникативным пространством, Кант превращает в пространство обмена пустыми знаками. Другой – это тот, с кем я могу обмениваться пустыми знаками, кто учреждает коммуникативное пространство, в котором нет ничего подлинного, где все только делают вид. Я делаю вид, он делает вид, все делают вид, и никто никому не верит. Все находятся под подозрением, кругом одни пустые слова и обесценившиеся речи. В этой ситуации Кант нам предлагает поверить не в право, а в то, что обманщик будет обманут.

Обман обманщика

Поскольку силой чувственность не победить, постольку ее надо перехитрить. Вдруг из игры притворства что-нибудь да выйдет. Или, как говорит Кант, злодей, притворяясь агнцем, мало-помалу и вправду станет добродетельным, а грубый благодаря маске учтивости – и впрямь может стать учтивым и деликатным. Согласно Канту, все это не обман, а «невинное заблуждение относительно самого себя»⁵. Если верить Канту, то нужно признать, что и мошенник это не мошенник, а деловой человек. Кант пишет: «Всякая человеческая добродетель в общении есть разменная монета; ребенок тот – кто принимает ее за настоящее золото».⁶ То есть он ни в грош не ставит общение. В коммуникации все ложь и обман. Кант не усматривает никакого мошенничества в том, чтобы медные монеты когда-нибудь обменять на чистое золото. По его мнению, это не обман. Это просто бизнес. Так принято поступать в любом цивилизованном обществе.

Человек и человечество

В эссе «О мнимом праве лгать...» Кант выступает как настоящий гуманист. Кант любит дальних и не любит ближних, ибо ближних любить невозможно. Мне нравится настойчивость, с которой Кант защищает человечество. Ему говорят, что в доме человек спрятался от злодея, что его могут убить, хозяин не только может, но и должен солгать, чтобы его спасти. Хозяин дома не имеет права говорить правду даже под пыткой. Если он не выдаст, то он будет для нас героем, образцом для подражания. Но Кант стоит на своем. Мол, не надо было в дом впускать неизвестных людей, и требует, чтобы хозяин говорил правду, чтобы он выдал беглеца в руки, чтобы не смел лгать, ибо его ложь будет несправедливостью по отношению к человечеству. Хотя она будет гуманной по отношению к одному человеку, но один человек, говорит Кант, это чистая априорная случайность. Когда лес рубят, щепки летят. Озабоченность Канта человечеством, а не человеком, правом, а не моралью, отвращает меня от Канта.

Право или совесть

Конечно, правда – это не правдивость. Но как только Кант стал напирать на эту очевидность, так сразу же у меня возникло подозрение, что здесь что-то не так, что здесь нас хотят перехитрить. Вся хитрость Канта состоит в том, что он скрыл от нас одну проблему. Он нам не сказал, что если мы хотим жить в правовом обществе, то нам совесть не нужна. От нее нужно раз и навсегда отказаться. В обществе, в котором ты гражданин мира, нужна ложь права. В нем не нужно самоограничениями доводить себя до белого каления, чтобы услышать свой голос, голос своего сознания и своей совести. Нам не нужно напрягаться, ибо есть голос права и еще есть судебный надзиратель, который может положить свою руку на твое плечо. А если мы хотим жить в моральном обществе, то тогда Бог нам судья и право нам не нужно, нам нужны правда, ложь и совесть. Ибо мир, в котором существует одна правда, является необитаемым, его нельзя

обжить. Там, где существует право, там существует и правовое сознание, то есть люди, которые это право применяют. А люди – всегда люди. И в этом правоприменении и зарыта собака. То есть зарыты ложь, обман и демагогия.

Право – это не правда и даже не правдивость. Кант выбирает право, а не правду, накладывая запрет на ложь во имя человеколюбия. Я выбираю ложь и возможность не быть правовым автоматом. Право убивает правду. Я же хочу убить *другого* в себе, чтобы говорить с собой и о себе. Поэтому я не с Кантом. И не с Марксом.

2.12. О Марксе

Булгаков ошибался: Маркс – не религиозный тип. Маркс – аутист. Но аутистом можно быть в себе, а можно быть для себя. В себе – это человек из подполья Достоевского. Для себя – Петр Верховенский из «Бесов». Маркс – это нечто среднее между ними.

Карл Маркс – гений. До него мир был одним, а после него он стал другим, необратимо изменившись. Маркс заставил мир говорить на своем языке. Мне иногда даже кажется, что нет никаких социальных наук, а есть один только Маркс. И если слух о том, что Маркс умер, подтвердится, то можно быть уверенным, что вместе с ним умерли и все социальные науки.

Маркс – символ эпохи больших иллюзий, носителями которых была масса. Сегодня время изменилось. У нас нет былых иллюзий. Сегодня никто никому не верит, и все находится под подозрением. Массы людей живут без грез, выбиваясь из сил в погоне за достатком. Их жизнь монотонна и скучна. И призрак нового Маркса не бродит больше по Европе.

Я также хочу напомнить о том, что мы живем не в трудовом обществе Карла Маркса, а во время краха трудового общества, просуществовавшего около двухсот лет. Сегодня труд не является системным принципом, определяющим место и положение человека в обществе. Мы не обмениваемся трудом друг с другом. Никто из нас не получает доход в соответствии со своим трудом. Труд и капитал больше никак не связаны, ибо капитал перестал быть превращенной формой труда. Сегодня труду противостоит не капитал, а менеджер по продаже труда, а капиталу – не труд, а грезы финансиста, воображаемая игра с ценными бумагами.

События и смыслы в посттрудовом обществе, в обществе трансгрессий не определимы. В мире неопределенностей перестает существовать рационально действующий субъект, поэтому сегодня нам нужна новая философия хозяйства, философия поисков почвы под ногами. А философия хозяйства – это Булгаков.

2.13. С.Н. Булгаков: между христианством и социализмом

У каждой религии существует своя этика. Согласно Веберу, протестантская этика – это этика капитализма. В этой этике главное – деньги. «Время деньги», – говорит Вебер, повторяя слова президента США Франклина. Но для ведения эффективного хозяйства недостаточно хотеть денег. В хозяйстве нужна еще и честность, или, что, согласно Веберу, одно и то же, видимость честности.

А что же православие? Какая у него хозяйственная этика? Православие, по словам Вебера, слишком иррационально. В нем много магии, то есть икон, свечей и мощей. Православная этика создана скорее для крестьян, а не для городских жителей, которые менее всего зависят от ритмов природы.

Булгаков смотрит и на хозяйство, и на православие иначе.

Свобода от хозяйства

В XIX веке в России укрепилась мысль о том, что православие не способствует экономическому развитию России, что оно тормозит социальный прогресс. А потому, чтобы иметь эффективное хозяйство, России нужно отказаться от православия и принять либо протестантизм, либо католичество. Булгакову совершенно чужда эта мысль.

Христианский идеал – это человек, который, как птица, не заботится о завтрашнем дне и цветет, как полевая лилия. Что это означает? Это означает, что христиане хотят свободы человека от хозяйства. Но и социализм также мечтает о свободе человека, о прыжке из царства необходимости в царство свободы. Зачем? Затем, чтобы освободить человека от труда. В чем видит Булгаков отличие социализма от христианской этики? В том, что христианская этика серьезно относится к хозяйственным обязанностям человека. Человек не должен снимать с себя повинности труда, возложенные на него Богом. Свобода от труда должна быть только духовной. Труд же обязателен для всех. Кто не работает, тот не ест.

Христианская этика не обещает свободы от хозяйства и с недоверием относится к тем, кто камни превращает в хлебы. Не хлебом единым жив человек. Для Булгакова важна мотивация поступков Христа в пустыне, в которой на 40-й день Христос захотел есть. И тут ему явился Сатана и стал искушать его тем, чтобы он занялся хозяйственным превращением камней в хлебы. Потому что это превращение есть чудо, кратчайший путь стать царем мира. Христос отказывается от этого пути. И этот отказ противоречит как принципам капитализма, так и принципам социализма.

Капитализм также жаждет свободы. Но он жаждет иной свободы, свободы в хозяйстве. А это значит, что для капитализма свобода в хозяйстве – это организованный эгоизм, который не может превзойти себя, для того чтобы стать над хозяйством, над материальной жизнью. Повальное раболепство перед капитализмом, перед свободой в хозяйстве не дает возможности увидеть ограниченность хозяйства. Критика организованного эгоизма является задачей, с точки зрения Булгакова, христианского сознания.

Согласно Булгакову, социализм ближе православию и христианский социализм вполне возможен. Православие и есть наш русский социализм. То есть разрешение социальных вопросов на основе религиозной этики. Этика православия отказывается от принципа социологизма, который требует социальное понимать социальным.

Гуманизм

Социалистический гуманизм – это гуманизм социума. Булгакову не нравится социалистический гуманизм. Почему? Согласно Булгакову, он не видит греховности и порочности человеческой природы. Греховность человеческой природы – это не порок социальной системы. Социалистический гуманизм не приемлем для Булгакова потому, что он антрополо-

гию растворяет в социологии, а человека в социуме, подменяя вопрос о человеке вопросом о строении общества.

Каждый человек – это, говорит Булгаков, целый мир, а социологизм превращает этот мир в социальную функцию, над которой господствует безликая социальная среда. Социологизм и личность несовместимы. Там, говорит Булгаков, где доминирует социальная среда, не может быть ни личностей, ни творчества, ни восхождения к высшим идеалам. Там нет, добавлю я сегодня, дорог.

2.14. Метафизика смысла: дороги и бездорожья

Вот дорога. «Смотри налево, – говорю я своему ребенку, – потом направо. И затем переходи». Дорога опасна. Она может лишиться тебя жизни. Что такое дорога?

Дорога – это возможность движения, или, как говорит Даль, «накатанное протяженье». То, что позволяет колесу катиться, а ногам идти. Дорога тебя всегда куда-нибудь да приведет. Она тебя не бросит, даже если у тебя нет цели. Все дороги делятся на те, по которым мы ходим, и на те, по которым мы не ходили. По одним дорогам мы ходим с целью, по другим – без цели. У животных нет дороги. У человека они есть. Почему?

Происхождение дороги

Человек отличается от животного тем, что он грезит. В той мере, в какой он грезит, у него есть задний план мыслей. А вот животное не грезит. У него нет заднего плана мыслей. Зато у него есть инстинкт и неведомые нам тропы.

Задний план мыслей хорош тем, что на нем, как впервые заметил Кант, возможен априорный, доопытный синтез сознания. Во времена неолита в результате этого синтеза у человека возникла не мыслимая ранее идея дороги. А вместе с нею появилась и мысль о колесе.

Открытие времени

Пока у человека не было дорог, он жил вне времени. Дорога открыла человеку время и научила его различать временное, то есть время на дороге, и постоянное. Дорога разделила людей на оседлых и кочевых. До Нового времени мало кто ценил время. Оно не было ценностью. Им никто не дорожил. Время измеряли по солнцу, а также водяными и песочными часами. Монахи измеряли время по количеству раз прочитанного Евангелия. Или по сгоревшим свечам. В средние века обыкновенная поездка в соседний город могла длиться неделями. Никто не замечал часов. Замечали лишь утро и вечер. В Новое время уже появляется минутная стрелка. Сегодня счет идет на секунды.

Очень далеко залетел человек в будущее благодаря дорогам. Дорожа временем, он построил дороги на земле, проложил маршруты на море и в небе.

Дороги в Риме

Хороши дороги в Риме. Они не узкие и не широкие. Их ширина примерно около 12 метров. При этом общественные дороги шире проселочных. Проселочные – шире частных. Дороги делались с мостами, туннелями, почтовыми станциями, постоянными дворами и складами. Через каждые 50 километров создавались места для отдыха, которыми могли воспользоваться проезжающие. Дороги империи прямые как луч. Все они ведут в Рим, в котором в античные времена проживал миллион человек.

Дороги в России

Плохи дороги в России. В Риме их мостили из камня. У нас их просто нет. Мы – Евразия, а Евразия – это степь, центр которой везде, а окружность нигде. Кто куда пойдет, тому туда и дорога. Россия – это верстовые столбы, которые переглядываются друг с другом в бездорожье. Кого ждут верстовые столбы? Тех, кто победил степь, кочевников. Варвары захватили Рим потому, что очень быстро шли по дорогам. Монголы захватили Россию потому, что у нас не было дорог. А у кочевников было очень много лошадей, и они шли по бездорожью.

Почему русские не строили дорог? Потому что не хотели платить налоги. Мы даже избы топили по-черному, чтобы только слуги государевы не могли нас найти. А поскольку мы прятались по медвежьим углам, постольку дорог мы не строили, боялись, что по этим дорогам придет к нам отечество и обложит нас данью. Оттого-то у русских много культуры и мало цивилизации.

Древний Рим построил 1500 городов. А у нас в начале XX века было всего лишь 700 городов. К русской границе со стороны Европы подходило 500 железнодорожных составов,

а с нашей стороны к европейской границе подходило всего 200 железнодорожных составов. Европа всегда была мощнее России в два раза. Так мы и живем до сих пор. Степь укачала полукочевую Русь, и уничтожились в ней все середины. Так что мы до сих пор не можем построить дорогу от Москвы до Владивостока.

Будущее без прошлого

Чем дальше дороги уводят нас в будущее, тем меньше у нас остается прошлого. Прошлое – это память. Вернее, зыбкое содержание того, что мы помним. Но помним мы все меньше. Ибо нас все больше окружают вещи, изготовленные серийно. Расходящиеся серии вещей и событий ослабляют нашу историческую память. Память, как заметил когда-то Ницше, не идет у нас дальше лопаты, которой копал дед. И с дедом кончается наше прошлое. История не существует как факт. Она существует как продукт рефлексии, как то, что постоянно нужно переписывать.

Пути, которые ведут дальше цели

Укатанная дорога быстро приводит тебя к цели. Но не все пути ведут к цели. Есть пути, которые ведут дальше цели, например путь к себе. К себе лучше идти не по дороге, а по тропинке. Не напрямик, а петляя по проселкам своей души. Дороги любят скорость. Души предпочитают задумчивость. У каждого человека есть своя стезя.

Событие

Сегодня одно событие сменяется другим событием с такой скоростью, что мы не успеваем поместиться между ними. А это значит, что мы не успеваем ничего понять. У нас нет по отношению к ним дистанции, нет времени на созерцание. Скоростные дороги не позволяют нам извлекать смыслы. И поэтому нам приходится жить в мире неизвлеченных смыслов и непонятых событий. Дороги существуют не для смыслов, а для машин.

Перекрестки

Дорога – это, без сомнения, необходимость, которую трудно обойти. Если одна необходимость пересекается с другой необходимостью, то возникает перекресток, а он открывает перед нами всегда три пути, три дороги. Одна всегда ведет к смерти. Но какая именно дорога ведет к смерти, заранее узнать нельзя. Это обстоятельство выясняется всегда задним числом.

Все случайно, говорят одни философы, такие как Гераклит. Для всего есть причины, говорят другие философы, такие как Эпикур. Человек – это случайность и одновременно причина своего пути. На перекрестке каждому идущему по своей дороге необходимо остановиться, взять паузу и осмотреться, чтобы не столкнуться с другим. Но эта остановка, эта пауза опасна для человека, ибо на перекрестке каждый подобен канатоходцу.

Канатоходец

Образ человека-канатоходца придумал Ницше в книге «Так говорил Заратустра». Заратустра накопил в одиночестве духовную энергию и спустился с горы, чтобы поделиться своими прозрениями с людьми. Пришел он в один город и увидел много людей, собравшихся посмотреть на канатоходца. И тогда Заратустра решил рассказать собравшейся толпе о сверхчеловеке. Долго говорил Заратустра. Толпа подумала, что сверхчеловек – это канатоходец, и она стала требовать, чтобы Заратустра замолчал, перестал говорить о сверхчеловеке. Что о нем говорить? Пусть он покажет свое мастерство на канате. И тут канатоходец вышел на сцену и принялся за свое дело. И толпа потеряла всякий интерес к Заратустре. Но сверхчеловек – это, говорит Ницше, не тот, кто пляшет на канате, и даже не тот скоморох, который может перепрыгнуть через идущего по канату артиста. Кто же это?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.